

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
3
.P3

v. Памятники древней письменности
17 "

DK3
P3

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
AUG 28 1975

ПАМЯТНИКИ

№ 17.

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

XVII.

~~VIII~~

180⁰ Ленинский пр., № 35

881

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА

ВЪ
МИНИАТЮРНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

Исследование по рукописи XVI вѣка: «Житіе Николая Чудотворца»

съ 16-ю таблицами рисунковъ

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Археологическаго
Общества и С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ, члена-корреспондента
Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества
и Общества Любителей Древней Письменности, гражданскаго инженера

Н. СУЛТАНОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Воицискаго, Литейный пр., № 35

1881

ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА

въ

МИНИАТЮРНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

(Изсѣдованіе по рукописи XVI вѣка «Житіе Николая Чудотворца»)

Рукопись «Житіе Николая Чудотворца»¹⁾ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ въ художественномъ отношеніи. Она писана въ большой листъ, хорошимъ полууставомъ XVI вѣка, на четырехстахъ листахъ; каждый листъ украшенъ изображеніемъ событія, которое описывается въ текстѣ. Число рисунковъ болѣе четырехсотъ, потому что на многихъ листахъ есть рисунки съ обѣихъ сторонъ. Каждый рисунокъ занимаетъ половину или двѣ трети страницы, а нѣкоторые, крупные — во всю страницу; они ярко раскрашены красками и золотомъ. По почерку и техническому исполненію рисунковъ рукопись «Житія Николая Чудотворца» весьма близко подходитъ къ извѣстному синодальному списку «Царственной Книги». Весьма возможная вещь, что обѣ рукописи — произведеніе однихъ и тѣхъ же мастеровъ или, по крайней мѣрѣ, одной и той же школы. Судя по почерку и

¹⁾ Собственность Румянцовскаго Музея въ Москвѣ. Нынѣ издана Обществомъ Любителей Древней Письменности.

рисункамъ нельзя сомнѣваться, что она принадлежитъ къ концу XVI вѣка ¹⁾).

Каждый изъ рисунковъ представляетъ собою два изображенія: изображеніе историческое, т.-е. представленіе описываемаго событія въ лицахъ, и изображеніе архитектурное, т.-е. такъ называемые «аксессуары», или собственно архитектурное поле картины.

Оставляя въ сторонѣ изображеніе историческое, мы намерены заняться изображеніемъ архитектурнымъ, т.-е. изслѣдованіемъ тѣхъ формъ зодчества, которыя встрѣчаются въ рисункахъ рукописи. Чтобы вѣрнѣе понять и опредѣлить эти формы, слѣдуетъ выяснитъ прежде всего что могъ изобразить художникъ конца XVI вѣка и какъ онъ могъ изобразить, слѣдовательно — иными словами — съ какими архитектурными формами онъ былъ знакомъ и какъ онъ понималъ линейную перспективу.

Для того чтобы рѣшить первый вопросъ, т.-е. опредѣлить, какія зданія у него были передъ глазами, въ натурѣ или въ изображеніяхъ, надо сдѣлать хоть самый краткій очеркъ судьбы русскаго зодчества до эпохи появленія рукописи, т.-е. до конца XVI вѣка.

Въ суздальскій періодъ русское искусство достигло значительнаго развитія и проявило первыя проблески самостоятельнаго русскаго вкуса. Такія постройки, какъ на примѣръ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, сдѣлали-бы честь романской эпохѣ любой страны въ Европѣ. А по изслѣдованіямъ Н. А. Артлебена, не только зодчество, но даже и «искусство ваянія человѣческихъ фигуръ, введенное романскими мастерами, находилось въ Суздальской области на пути къ усовершенствованію» ²⁾. Но всеокрушающее татарское наше-

¹⁾ См. «Отчетъ» Московскаго Публичнаго Музея за 1864 годъ.

²⁾ См. его статью: «Памятники зодчества древней Суздальской области». Помѣщена въ изданіи Влад. Губ. Статист. Комитета, озаглавленномъ: «Древности Суздальско-Владимірской области» (Владиміръ, 1880).

ствіе убило зараждавшуюся художественную дѣятельность, и не только заставило ее смолкнуть на цѣлыхъ полтора столѣтія, но, что хуже всего, порвало въ этомъ отношеніи всякую связь предыдущаго съ послѣдующимъ, такъ что Москвѣ не пришлось продолжать дѣла Суздаля, а нужно было начинать сначала.

Первые московскіе каменные соборы: Успенскій, Спасъ-на-Бору и Архангельскій были построены въ первой половинѣ XIV столѣтія, въ княженіе Іоанна Даниловича Калиты. Каковы были эти первоначальные памятники вновь зараждашагося зодчества — теперь сказать опредѣлительно довольно трудно, хотя впрочемъ есть не мало данныхъ въ пользу того предположенія, что они строились подъ повгородскимъ влияніемъ.

Затѣмъ, начиная съ княженія Іоанна III появляются у насъ итальянскіе мастера, съ Аристотелемъ Фиоравенти во главѣ. Эти мастера должны были повидимому внести къ намъ свои архитектурныя формы, но вышло почти наоборотъ. Еще покойный Погодинъ замѣтилъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ, что «откуда-бы что ни приходило, русская печь все переваривала, и что изъ нея выходило, то было уже не иностранное, хотя и сходно съ кое-чѣмъ иностраннымъ» ¹⁾. Эти слова покойнаго историка вполне примѣнимы къ дѣятельности чужеземныхъ мастеровъ: такова была всепоглощающая сила и національная устойчивость тогдашней Руси, что она не только не преклонилась предъ итальянскими художниками, а наоборотъ—сама передѣлала ихъ на свой ладъ. Всѣ итальянскіе мастера отъ Фиоравенти и до Бонна повторяли старорусскіе образцы, какъ это видно по дошедшимъ до насъ ихъ произведеніямъ, и все ихъ влияніе выразилось лишь въ техническихъ приѣмахъ, да въ нѣкоторыхъ итальян-

¹⁾ См. «Поѣздка на съѣздъ археологовъ или древне-любителей» Вад. Лѣстницка. Ярославль. 1869.

скихъ подробностяхъ (деталяхъ), попадающихся на нашихъ постройкахъ XVI вѣка, каковы напр. подробности (детали) Архангельскаго собора въ Москвѣ, Вознесенской церкви села Коломенскаго, и др. Но тѣмъ не менѣе услуги, оказанныя ими русскому зодчеству, весьма важны, хотя онѣ и ограничиваются преимущественно техническою стороною вопроса. Стоя въ этомъ отношеніи несравненно выше неумѣлыхъ русскихъ мастеровъ, они сразу поняли въ чемъ суть, и вывели наше строительное дѣло на вѣрную дорогу: бѣлый камень, которымъ изобилуютъ окрестности Москвы, отличающійся какъ строительный матеріалъ весьма дурными качествами, былъ отброшенъ ими и замѣненъ почти единственно возможнымъ въ нашихъ осадочныхъ равнинахъ строительнымъ матеріаломъ—кирпичемъ. И эта постановка вопроса была столь правильна, что наше кирпичное зодчество дало не только блестящій и вполне самостоятельный разцвѣтъ во второй половинѣ XVII вѣка, но даже и до настоящаго времени кирпичъ представляетъ собою почти исключительно употребляемый въ средней и сѣверной Россіи каменный матеріалъ. Новый матеріалъ повлекъ за собою новые приемы однородной кладки и вытѣснилъ окончательно византійскій способъ возведенія каменныхъ стѣнъ изъ облицовокъ съ забуткой. Мало того, подъ руководствомъ тѣхъ-же итальянскихъ мастеровъ русскіе строители выучились лучшимъ способамъ обжиганія извести и приготовленія растворовъ, дѣлу, которое Аристотель Фіоравенти засталъ у насъ въ самомъ младенческомъ состояніи.

Между тѣмъ великое дѣло освобожденія отъ ига, свершенное Іоанномъ III, возымѣло свое дѣйствіе и дало сильный толчекъ развитію жизни народа вообще и его художественной дѣятельности въ частности. Усвоивъ себѣ преподаваемые имъ итальянскими мастерами уроки, русскіе тотчасъ-же примѣнили ихъ къ своимъ любимымъ, старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, что породило новые типы ка-

меннаго зодчества. Замѣтимъ, между прочимъ, что подобный переносъ формъ представляетъ собою явленіе свойственное не одной русской архитектурѣ, но и многимъ другимъ, какъ напримѣръ индійской. Это самобытное направленіе создало уже въ первой половинѣ XVI вѣка вполне своеобразное и притомъ чисто-народное зодчество, представителями котораго служатъ такія блестящія художественныя произведенія, какъ напр. церкви въ селахъ Коломенскомъ, Дьяковѣ и наконецъ соборъ Василя Блаженнаго, это «ультра-національное произведеніе», какъ его называетъ нѣмецкій ученый Куглеръ. Само собою разумѣется, что такія постройки не могли представлять собою явленія зауряднаго, и потому уже въ царствованіе самого строителя собора Василя Блаженнаго, царя Іоанна Васильевича Грознаго, русская строительная дѣятельность принимаетъ иное направленіе. Москва перестаетъ быть ея исключительнымъ центромъ, такъ что вмѣстѣ прежнихъ большихъ и почти исключительно московскихъ сооружений предыдущаго періода появляется множество церквей старыхъ по формѣ, но меньшихъ по размѣрамъ, разсѣянныхъ почти по всему лицу земли Русской. И теперь, по свидѣтельству покойнаго Л. В. Дала, «цѣлыя сотни сельскихъ церквей, особенно на востокѣ Россіи, считаютъ царя Ивана Васильевича Грознаго основателемъ своего прихода, что подтверждается иногда и грамотами». Пожертвованныя имъ царскія врата разсѣяны повсюду, и потому «немудрено, прибавляетъ Даль, что онъ первый изъ государей попалъ въ сказанія народнаго эпоса»¹⁾.

Въ кратковременное царствованіе Феодора Іоанновича конечно многого выстроить было нельзя, но тѣмъ не менѣе въ его царствованіе Годуновъ самъ заложилъ стѣны каменной крѣпости въ Смоленскѣ и кромѣ того сгорѣвшій до тла въ 1595 году Китай-городъ былъ возстановленъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами.

¹⁾ «Зодчій» 1873, № 4.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ русской жизни замѣчается новое явленіе, которое незамедлительно отозвалось на ея искусствѣ. Мы говоримъ о наступленіи болѣе тѣсныхъ сношеній съ Западомъ, которыя выражаются какъ въ частомъ обмѣнѣ посольствъ съ европейскими державами, такъ и торговыми сношеніями со всевозможными народами Европы, начиная съ англичанъ и французовъ и кончая нѣмцами и голландцами, устремившимися по слѣдамъ Ченслера въ Бѣлое море. Эти связи и это знакомство съ Западомъ усиливаются еще болѣе оттого, что въ эту-же эпоху начинается сильный приливъ иноземцевъ въ Москву, преимущественно нѣмцевъ, которые бѣжали съ родины вслѣдствіе начавшихся религиозныхъ войнъ и раздоровъ Уніи и Лиги, и хотя французскій археологъ Мельхиоръ-де-Воге въ своемъ излѣдованіи «*Origénerie ancienne de la Russie*»¹⁾ полагаетъ, что московское правительство открыло двери нѣмецкимъ протестантамъ въ силу своей ненависти къ католичеству—вѣрѣ поляковъ, но дѣло объясняется гораздо естественнѣе: оно просто нуждалось въ опытныхъ и знающихъ ремесленникахъ. Уже въ царствованіе Іоанна Грознаго нѣмцы жили спокойно въ Москвѣ за Яузой, въ Новой Нѣмецкой слободѣ, имѣли свою церковь, занимались различными ремеслами и художествами, и даже, по выраженію Карамзина—«спѣсивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье». При царѣ Теодорѣ Іоанновичѣ, оказывавшемъ также нѣкоторое покровительство искусствамъ и ремесламъ, число иностранцевъ въ Москвѣ постоянно возрастало, такъ что въ его время были у насъ искусные золотыхъ дѣлъ мастера и прививались даже иноземныя производства, такъ напр. царь Теодоръ завелъ шелковую фабрику въ Москвѣ, и вызванный имъ итальянецъ Марко-Чинопи твалъ бархатъ и парчу въ домѣ, отведенномъ

¹⁾ См. «*Annales archéologiques*», 1855, т. XV, p. 77.

ему близъ Успенскаго собора. При Феодорѣ-же въ русскомъ войскѣ служило около 5000 иностранцевъ разныхъ народностей, такъ что при немъ состояло 4300 нѣмцевъ и поляковъ, 150 шотландцевъ и нидерландцевъ и 100 грековъ, шведовъ и датчанъ. Въ царствованіе Бориса Годунова порядокъ вещей очевидно не могъ существенно измѣниться, ибо въ сущности во главѣ государства стояло одно и то-же лицо. Борисъ былъ въ особенности благосклоненъ къ иностранцамъ, и вызывалъ къ себѣ на службу не только врачей, художниковъ и ремесленниковъ, но даже и знатныхъ людей. Но особенною милостью его пользовались иноземные врачи: царь не только удостоивалъ ихъ почти ежедневной бесѣды, но даже изъ милости къ нимъ позволилъ возобновить сожженную Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ нѣмецкую церковь.

Все это вмѣстѣ взятое ясно показываетъ, что во второй половинѣ XVI в. въ Россіи, или по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, которая «всѣмъ городамъ указывала», должно было чувствоваться нѣкоторое европейское вліяніе, и что она обладала довольно развитымъ искусствомъ, не чуждымъ западныхъ элементовъ.

Чтобы рѣшить второй вопросъ, т.-е. вопросъ о томъ, какъ могъ изобразить русскій художникъ конца XIV вѣка извѣстныя ему архитектурныя формы, надо сказать нѣсколько словъ о перспективномъ изображеніи вообще и о послѣдовательномъ научномъ развитіи перспективы. Перспектива, какъ наука, получила свое начало еще въ XV вѣкѣ, и отцомъ ея слѣдуетъ считать итальянца Петра Борго. Но истинныя понятія о перспективѣ далеко еще не распространились въ это время въ Европѣ, какъ это мы видимъ, по крайней мѣрѣ, изъ произведеній европейской живописи той эпохи. Затѣмъ, въ обработкѣ ея принимали участіе такія имена, какъ Альбрехтъ Дюреръ, Виньола, Серліо и другіе художники и ученые, и благодаря ихъ трудамъ въ XVI столѣтіи начинается въ Европѣ распространеніе здравыхъ перспективныхъ понятій.

Конечно, это не имѣетъ соотношенія къ Россіи, потому что перспектива, какъ наука, даже въ примѣненіи является у насъ не ранѣе второй половины XVII вѣка въ лицѣ работавшаго въ Москвѣ «преоспективнаго дѣла мастера» Петра Энглеса. И даже интереснѣйшія изъ нашихъ миниатюръ, въ родѣ миниатюръ «Царственной Книги» или же книги «Избраніе на царство», лишены вѣрной перспективы.

Мы не станемъ здѣсь излагать правилъ современной научной теоріи перспективы, но позволимъ себѣ указать только на какомъ-нибудь частномъ примѣрѣ главнѣйшія особенности перспективныхъ изображеній.

Особенности эти сводятся къ слѣдующимъ даннымъ:

1. Всѣ горизонтальныя линіи, которыя заключаются въ плоскости горизонтальной, проходящей чрезъ глазъ наблюдателя, горизонтальны въ перспективѣ (линія ВТ, чер. 1, табл. I).

2. Всѣ линіи горизонтальныя и параллельныя между собой въ натурѣ, но наклонныя къ плоскости картины, сходятся другъ съ другомъ въ перспективномъ изображеніи, подъ нѣкоторымъ угломъ ($b, b', b'', b'''\dots c, c', c'', c'''\dots$ *ibid.*).

3. Всѣ линіи вертикальныя въ натурѣ, вертикальны и въ перспективѣ; но при равной величинѣ въ натурѣ, тѣмъ болѣе въ перспективѣ, чѣмъ онѣ ближе къ плоскости картины ($a, a', a''\dots$ *ibid.*).

Нашъ современный глазъ до такой степени привыкъ ко всѣмъ этимъ особенностямъ правильнаго перспективнаго изображенія, что безъ всякаго труда, даже совершенно безсознательно замѣчаетъ малѣйшее отступленіе отъ нихъ. Изъ всѣхъ этихъ особенностей авторъ миниатюръ въ «Житіи Николая Чудотворца» подмѣтилъ только одну, а именно: онъ замѣтилъ линіи горизонтальныя въ натурѣ, но наклонныя къ картинной плоскости, наклонны въ перспективѣ; что же касается до того, что равныя въ натурѣ вертикальныя линіи въ перспективѣ уменьшаются по мѣрѣ удаленія отъ плоскости картины, то онъ этого не замѣчаетъ, и потому дѣлаетъ ихъ,

какъ въ натурѣ—равными. Вслѣдствіе этого его изображенія производятъ на современный глазъ весьма странное впечатлѣніе: они напоминаютъ скорѣе изометрическое изображеніе предмета, нежели его перспективу (чер. 12, т. III, чер. 33, т. VII, чер. 105, т. XII, и черт. 132, и 136, табл. XV, и проч.).

Эту неправильность изображенія художникъ запутываетъ иногда еще болѣе слѣдующимъ страннымъ приемомъ: онъ ставитъ на первый планъ не ту часть зданія, которая ближе къ картинной плоскости, а ту, которая важнѣе по своему значенію, въ силу чего онъ, напримѣръ, выдвигаетъ впередъ средней куполь пятиглавой церкви, несмотря на то, что онъ окруженъ угловыми (черт. 12, табл. III). Или-же за неимѣніемъ мѣста измѣняетъ очертаніе формы и дѣлаетъ ее сплюснутою (черт. 6, табл. II). А иногда, наоборотъ, для заполнения мѣста повторяетъ ее дважды. Напр., желая изобразить отверстую сверху церковь, онъ пририсовываетъ верхушку ея съ двухъ сторонъ (черт. 15-й, табл. IV). Въ заключеніе слѣдуетъ еще указать на тѣ вольности и наивности, которыя попадаютъ въ миниатюрахъ и которыя никогда не позволилъ-бы себѣ современный художникъ: такъ напр., чтобы показать что дѣлается внутри зданія, онъ прямо срѣзываетъ часть его, соединяя такимъ образомъ фасадъ съ разрѣзомъ, т.-е. внутренность съ наружностью, что, конечно, уже совершенно невозможно въ дѣйствительности (черт. 5, табл. I). Отсюда ясно видно, что только принимая въ расчетъ всѣ эти особенные приемы, можно, такъ сказать, распутать эти миниатюрныя изображенія и выяснитъ себѣ то что хотѣлъ выразить ихъ составитель.

Предпославъ эти необходимыя объясненія, мы полагаемъ возможнымъ перейти теперь къ рассмотрѣнію самыхъ изображеній.

Черт. 6-й (табл. II), взятый со стран. 19-й «Житія», представляетъ собою одноглавую церковь съ троечастнымъ дѣлешомъ фасада, который перехваченъ посрединѣ узорочнымъ

пояскомъ, идущимъ также по карнизу алтарной абсиды. На первый взглядъ рисунокъ производитъ крайне смутное впечатлѣніе: архивольты арокъ оканчиваются какими-то странными свѣшивающимися частями, на подобіе хобота; надъ окнами помещено по три кружка, а подъ ними какія-то черты. Но если внимательно разсмотрѣть изображеніе, то въ немъ не трудно будетъ узнать церковь чистѣйшаго владиміро-суздальскаго типа, въ родѣ Димитріевскаго собора, Покрова-на-Нерли, и проч. Возьмемъ для сравненія церковь Покрова-на-Нерли (черт. 7-й, табл. II), и формы ея объяснятъ намъ вполне рисунокъ миниатюры. Кружки надъ окнами суть не что иное, какъ обронныя украшенія, которыя расположены тоже тремя группами; а хоботообразныя придатки къ архивольтамъ—это каменные водомѣты или относы водосточныхъ трубъ, которыми снабжены для стока воды разжелобки или впадины кровли между сводовъ, и которыя расположены у церкви Покрова-на-Нерли надъ капителями колонокъ. Водомѣты эти, извѣстныя въ западной архитектурѣ подъ названіемъ «гаргулей», были очень распространены въ нашемъ зодчествѣ, и удержались въ немъ такъ долго, что мы встрѣчаемъ ихъ на такомъ сравнительно позднемъ памятникѣ, какъ напр. церковь въ селѣ Останкинѣ подъ Москвою (конца XVII в.); они обыкновенно вытесывались изъ бѣлаго камня и имѣли видъ лотка (черт. 3, табл. I). Поясокъ церкви изображенъ въ московской передѣлкѣ: пояски первыхъ московскихъ церквей удерживаютъ свою первоначальную суздальскую форму, т. е. состоятъ изъ арочекъ, поддерживаемыхъ колонками, на подобіе того, который украшаетъ фасадъ церкви Покрова-на-Нерли (черт. 7, табл. II) и какой мы видимъ напр. въ московскомъ Успенскомъ соборѣ (табл. III, черт. 13), но потомъ замѣняются просто каменнымъ балясникомъ, расположеннымъ во впадинѣ, въ родѣ фриза, и перекрытымъ свѣшивающимся кирпичемъ; таковы пояски церкви Печерской Божіей Матери въ московскомъ Кремлѣ (табл. I, черт. 4),

такъ называемой Сошественской церкви Троице-Сергіевой Лавры, и проч. Въ этой-то московской передѣлкѣ поясокъ и знакомъ художнику, украшавшему миниатюрами житіе Николая Чудотворца. И дѣйствительно, онъ вездѣ представляетъ его въ видѣ балясника съ шаровидными утолщеніями по срединѣ (табл. I, черт. 2). Форма церковной главки луковичная, московскаго періода; сдавленность ея формы объясняется просто недостаткомъ мѣста. Единственная разница между миниатюрнымъ изображеніемъ и фасадомъ церкви Покрова-на-Нерли заключается въ томъ, что на миниатюрѣ окна приподняты надъ пояскомъ, а на фасадѣ Покрова они опираются на него; но это различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, если только припомнить, что въ Дмитріевскомъ соборѣ окна также находятся посрединѣ стѣны и между ними и пояскомъ расположены оброчныя украшенія, совершенно также, какъ въ миниатюрѣ.

Типъ владиміро-суздальскихъ церквей былъ занесенъ въ Москву Аристотелемъ-Фіоравенти, который, какъ извѣстно, ѣздилъ по приказанію Великаго Князя Ивана III во Владимиръ и осматривалъ тамъ постройки. Видоизмѣненіе суздальскаго типа на московской почвѣ заключалось въ томъ, что по длинѣ зданія былъ прибавленъ еще одинъ лишній пролѣтъ, вслѣдствіе чего его боковыя фасады стали четверчастными вмѣсто троечастныхъ, да вмѣсто одной главы стали дѣлать пять. Образцомъ подобныхъ храмовъ можетъ служить московскій Успенскій соборъ (табл. III, черт. 13). Если мы присмотримся теперь къ собору, изображенному на стр. 52 (табл. III, черт. 12), да исправимъ перспективныя погрѣшности рисунка, то получимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самое вѣрное изображеніе Успенскаго собора. И дѣйствительно, мы видимъ на миниатюрѣ тѣ-же пять главъ съ большими широкими шеями (барабанами), то-же четверчастное дѣленіе южнаго фасада съ вытянутыми и полукруглыми вверху окнами; тотъ-же поясокъ посрединѣ высоты и наконецъ карни-

зикъ на алтарной абсидѣ, который точно также, какъ и въ натурѣ — расположенъ выше пояса фасада.

Разбирая всѣ эти типы, мы считаемъ долгомъ оговориться, что каждый изъ нихъ не составляетъ единичнаго явленія въ миниатюрахъ рукописи, но, наоборотъ, неоднократно повторяется съ самыми ничтожными измѣненіями. Мы не представляемъ здѣсь перечня подобныхъ повтореній, ибо очевидно, что подобныя числовыя данныя не представляютъ ровно ничего занимательнаго.

Затѣмъ на стр. 18 (табл. VI, черт. 27) изображена трехглавая церковь съ луковичными главками на круглыхъ шеяхъ. Но мы знаемъ, что трехглавыя церкви всегда имѣли шатровые верхи. Если-же теперь принять во вниманіе, что боковыя главы стоятъ гораздо ниже средней, то станетъ ясно, что это не одна церковь, а скорѣе группа церквей, т.-е., иными словами, главная церковь съ придѣлами. Это отдѣльное устройство придѣловъ—также московскихъ рукъ дѣло. Въ XVI вѣкѣ въ московскомъ зодчествѣ появляются немногочисленныя церкви, имѣющія въ планѣ квадратъ, къ которому прилегаютъ малые квадраты придѣловъ, таковы напр. Благовѣщенскій соборъ, придѣлы котораго пристроены въ эту эпоху; а въ XVII вѣкѣ церкви эти получаютъ особенное распространеніе и имя имъ — легионъ: Останкинская, Грузинской Богоматери, Никола на Столпахъ, и проч. и проч., всѣ онѣ таковы и всѣ имѣютъ по два боковыхъ придѣла. Кромѣ этого видоизмѣненія Москва внесла еще другую перемѣну въ суздальскій типъ: въ суздальскихъ постройкахъ фасады оканчиваются вверху просто однимъ рядомъ полукруговъ, а въ московскихъ этотъ рядъ полукруговъ повторяется дважды и трижды на поверхности свода, отступая каждый разъ къ центру, образуя ряды «закомарочекъ» или, какъ ихъ теперь называютъ—«кокошниковъ» (табл. VI, черт. 29). Эти ряды закомарочекъ или кокошниковъ особенно сильно распространены были въ XVII вѣкѣ, и пѣтъ ни одной церкви

въ московскомъ зодчествѣ, которая не была-бы ими избыточно украшена. Но что они появились въ нашемъ зодчествѣ гораздо ранѣе XVII вѣка, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только указать на Коломенскую церковь, на Василия Блаженнаго, на Благовѣщенскій соборъ, и проч., и проч.¹⁾ Однимъ изъ представителей этого типа служить Покровскій соборъ въ Москвѣ, по линіи Рязанской желѣзной дороги, основанный въ 1626 году царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ въ селѣ Рубцовѣ, а впоследствии Покровскомъ, вошедшемъ нынѣ въ составъ города (табл. III, черт. 29). Если сравнить его съ рисункомъ стр. 19-й (табл. III, черт. 27), то окажется полнѣйшее тождество. Конечно, на первый взглядъ должно показаться невозможнымъ сравнивать изображеніе конца XVI вѣка со зданіемъ, сооруженнымъ въ 1626 году, по невозможности эта тотчасъ же исчезаетъ, если принять во вниманіе, что всѣ особенности Покровскаго собора, т.-е. ряды кокошниковъ (закомарочекъ) и боковое придаточное расположеніе придѣловъ являются, какъ мы уже это видѣли, и въ XVI вѣкѣ, что первая четверть XVII вѣка безъ всякаго сомнѣнія, въ силу царившей у насъ неурядицы, прошла совершенно безслѣдно для нашего искусства, и что слѣдовательно формы Покровскаго собора мы можемъ разсматривать какъ дословное повтореніе формъ XVI вѣка.

¹⁾ При изслѣдованіи древнихъ построекъ Владиміра, намъ пришлось слышать, что будто-бы подъ новою желѣзною кровлею церкви Дѣвичьяго монастыря (XII в.) уцѣлѣли кокошники; но такъ какъ намъ самимъ не пришлось провѣрить этотъ слухъ и онъ не подтвержденъ никѣмъ изъ представителей нашей науки, то мы конечно не позволимъ себѣ утверждать на основаніи его, что ряды кокошниковъ существовали уже у насъ въ XII вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ, желательнo-бы слышать разъясненіе этого факта отъ мѣстныхъ археологовъ, тѣмъ болѣе, что это вещь весьма возможная, ибо нѣкоторые изслѣдователи (проф. Лапкаревъ) указываютъ первообразъ кокошниковъ даже на св. Софій Киевской.

Рисунокъ стр. 19 (табл. VI, черт. 27) близко подходит также къ западному фасаду московскаго Благовѣщенскаго собора; вся разница заключается лишь въ томъ, что въ послѣднемъ главный храмъ имѣетъ пять главъ.

Затѣмъ остаются еще двѣ особенности, которыхъ нѣтъ въ предыдущихъ примѣрахъ, т. е. въ Успенскомъ соборѣ, въ Дмитріевскомъ, и проч.,—это верхнее остріе кокошниковъ и затѣмъ придатокъ къ нему, на подобіе трилистника. Остріе—это не что иное, какъ русское видоизмѣненіе византійскаго полукруглаго архивольта, вызванное самимъ климатомъ: нужно было какъ-нибудь защитить верхнюю плоскую, почти горизонтальную часть свода отъ дождя и снѣга, и вотъ появилось остріе. Соображеніе это подтверждается тѣмъ, что существуетъ не мало русскихъ церквей съ полукруглыми внутренними и заостренными вѣшними архивольтами, но нѣтъ ни одной, въ которой это было-бы наоборотъ. Необходимость этого острія была создана рускими зодчими довольно рано, и первый примѣръ подобнаго острія мы видимъ въ XII вѣкѣ во входной двери церкви Бягипина монастыря во Владимірѣ (1200 года¹). Что-же касается до подобія трилистника, то это не что иное, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе украшенія, имѣющагося на московскомъ Архангельскомъ соборѣ (табл. VI, черт. 31). Украшеніе это занесено къ намъ итальянцами, работавшими послѣ Аристотеля Фиоравенти. Строитель Архангельскаго собора (1508 г.) итальянецъ Алевизъ Новый украсилъ эту русскую по формѣ постройку итальянскими подробностями (детальями) и посадилъ на его кокошникахъ подобіе того орнамента, который мы видимъ напр. на Скуолѣ Св. Марка въ Венеціи.

Кромѣ этихъ церквей, въ рукописи встрѣчается еще два образца, оба съ квадратомъ въ планѣ: церкви одноглавыя съ четырехскатною кровлею (табл. II, черт. 10 и 11) и церкви

¹) См. Труды Перваго Археологическаго Съѣзда, атласъ, табл. IX.

одноглавыя съ восьмискатною кровлею (таб. V, черт. 22 и 23). Церкви перваго образца крайне характерны для московской архитектуры и встрѣчаются тамъ во множествѣ. Какъ на примѣръ укажемъ на церковь Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ. Образецъ этотъ былъ столько распространенъ въ нашемъ зодчествѣ, что на его ладъ были передѣланы въ московскую эпоху даже многія новгородскія и владимірскія церкви. Съ какихъ поръ начались подобныя передѣлки—теперь сказать довольно трудно, но несомнѣнно, что онѣ начались довольно рано. Этотъ видъ крыши казался столь удобнымъ нашимъ строителямъ, что онъ продержался у насъ еще до сихъ поръ и нерѣдко даже и теперь еще безобразить прекрасныя церкви XVII вѣка, которыя были прежде покрыты кокошниками. Какъ на примѣры подобныхъ искаженій укажемъ на церковь села Тайнинскаго, на южный придѣлъ церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ, на церковь Космы и Даміана ¹⁾, тамъ-же, и на многія другія. Даже «Рождество Путинки», эта «классика русскаго зодчества», по выраженію одного знатока, не избѣгла общей участи, и хотя въ настоящее время послѣ возстановленія кокошники открыты, но въ «Русской Старинѣ» Снегирева и Мартынова она показана съ четырехскатной крышей.

Что-же касается до восьмискатнаго образца, то это образецъ уже не московскій, а новгородскій. Дѣло въ томъ, что новгородскія церкви весьма скоро утратили свои три наружныя полукруглыя арки, обозначающія внутреннее накрытіе тремя сводами, и если мы еще замѣчаемъ ихъ въ XII вѣкѣ (церковь Спаса въ Нередицахъ), то уже въ XIII вѣкѣ и позже онѣ исчезаютъ окончательно (церковь Николая на Липиѣ, Феодора Стратилата, и проч.) и замѣняются треугольными

¹⁾ Въ настоящее время возстановляется подъ наблюденіемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества архитекторомъ Н. Н. Васильевымъ.

щипцами, расположенными на каждомъ фасадѣ (таб. V, черт. 24). Причиной подобной перемѣны является, во первыхъ, сѣверный климатъ, обуславливавшій крутой подъёмъ кровли, а во вторыхъ большое количество строившихся тогда деревянныхъ церквей, ибо форма эта по своему происхожденію—форма деревянная, до сихъ поръ еще удержавшаяся въ нашемъ деревянномъ зодчествѣ (таб. V, черт. 21). Образецъ этотъ былъ крайне распространенъ въ Новгородѣ и Псковѣ и сохранился не только въ разныхъ, еще нынѣ существующихъ храмахъ, каковъ напр. храмъ Преображенія въ Новгородѣ (таб. V, черт. 24), но и во множествѣ иконописныхъ изображеній (таб. V, черт. 20 и 21).

Мы не знаемъ, насколько этотъ образецъ привился въ московскомъ мірѣ, который, какъ уже было сказано, долженъ былъ подчиниться при началѣ своей строительной дѣятельности Новгороду, но что подобныя церкви были въ самой Москвѣ, лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить, къ счастью, уцѣлѣвшая до сихъ поръ церковь Николы въ Мясникахъ (таб. V, черт. 25). Простаго сличенія этихъ примѣровъ (таб. V, черт. 21, 24 и 25) съ миниатюрными изображеніями (таб. V, черт. 22 и 23) вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ ихъ тожествѣ.

Кромѣ церквей этого образца, весьма часто и настойчиво повторяется въ миниатюрахъ рукописи видъ церкви, представленной на страницахъ 8 и 41₍₂₎¹⁾ (таб. IV, черт. 17 и 15).

Съ перваго взгляда она представляется совершенно выдуманною, но если её поуспокоить, т.-е. исправить архитектурныя и перспективныя невѣрности, то она становится

¹⁾ Въ подлинной рукописи страницы проставлены только на лицевой сторонѣ листа, а не на обѣихъ его сторонахъ, такъ что число страницъ соотвѣтствуетъ собственно числу листовъ; потому для обозначенія обратной стороны листа мы ввели значекъ «(2)». Слѣдовательно выраженіе «страница 41₍₂₎» выражаетъ обратную сторону 42 листа.

не только вполне объяснимою, но даже оказывается возможнымъ подыскать къ ней параллельныя формы. Мы знаемъ, что основой всякой русской деревянной постройки былъ четырехугольный срубъ, поэтому и деревянные храмы имѣли обыкновенно въ планѣ прямоугольникъ (таб. VII, черт. 41 и 37). Но какъ размѣры подобнаго сруба опредѣлялись вполне съ размѣрами бревна, то подобные храмы не могли быть обширны и потому сама необходимость заставила прибѣгнуть къ иной формѣ, круглой или правильнѣе—многогранной, которая имѣла въ планѣ шести, восьми или двѣнадцати-угольникъ. По мнѣнію И. Е. Забѣлина, форма эта была столь же древняя, какъ и клѣть или срубъ, «ибо—говорить онъ—городскія башни, какъ скоро требовалось сдѣлать ихъ обширнѣе обыкновеннаго клѣтнаго сруба, выстраивались по бѣльшей части въ уголь, многоугольникомъ шестерикомъ или осмерикомъ» ¹⁾. Форма эта и понынѣ сохранилась въ нашемъ деревянномъ зодчествѣ, преимущественно въ южной Россіи, и образцомъ ея можетъ служить деревянный соборъ въ городѣ Екатеринодарѣ ²⁾ (таб. IV, черт. 18), составныя части котораго представляютъ совершенное подобіе церкви, изображенной на страницѣ 8-й (таб. IV, черт. 17). Тотъ же нижній восмерикъ съ верхнимъ восмерикомъ поменьше, тоже полукруглое покрытие съ шейкой и луковичной главкой. Вся разница заключается въ томъ, что въ миниатюрѣ луковки помѣщена непосредственно на шейкѣ, а въ екатеринодарскомъ соборѣ подъ луковкой помѣщена маленькая пирамидальная подставка; но это не имѣетъ особенной важности, ибо эта послѣдняя форма представляетъ собою позднѣйшее видоизмѣненіе луковичной главки, которое не только

¹⁾ См. «Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ» («Древняя и Новая Россія», 1878).

²⁾ Къ несчастью, въ настоящее время, какъ мы слышали, обреченъ на сломку, если уже не сломанъ.

встрѣчается въ новѣйшихъ церквахъ, но было внесено даже, при позднѣйшихъ передѣлкахъ, въ старыя церкви; какъ на примѣры, укажемъ на церкви свв. Константина и Елены и Печерской Божіей Матери въ Московскомъ Кремлѣ.

Эта восьмигранная форма деревянныхъ храмовъ въ нашемъ сѣверно-русскомъ зодчествѣ перешла въ каменную архитектуру довольно рано, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить церковь въ селѣ Дьяковѣ (табл. IV, черт. 14), и стала преобладать у насъ въ концѣ XVII вѣка, въ періодъ «Русскаго Барокко»¹⁾, имѣя своими представителями такія прекрасныя произведенія, какъ напр. церкви въ селѣ Троицкомъ-Лыковѣ подъ Москвою, Георгіевская въ Нижнемъ-Новгородѣ и другія.

Этими примѣрами вполне выясняется форма церкви стр. 8-й (табл. IV, черт. 17), и для полноты намъ остается объяснить теперь только тѣ треугольные щипчики, которые украшаютъ собою карнизы обоихъ ярусовъ и которыхъ нѣтъ на екатеринодарскомъ соборѣ. Они встрѣчаются въ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ сооруженіяхъ XVI в., какова напр. нижняя галлерейка средней части собора Василия Блаженнаго (табл. IV, черт. 16) или придѣлы церкви села Дьякова (табл. IV, черт. 14), и вполне удовлетворительно объясняются этими примѣрами, а слѣдовательно также представляютъ собою форму дѣйствительно существовавшую, а не выдуманную художникомъ. Щипчики верхняго яруса, какъ и щипчики галлерейки Василия Блаженнаго, служатъ украшеніемъ, а щипцы нижняго яруса, подобно кокошникамъ Дьяковской церкви, составляютъ переходъ отъ нижняго восьмерика къ верхнему. Что касается до происхожденія ихъ формы, то мы коснемся этого вопроса при разсмотрѣніи жилыхъ домовъ, встрѣчающихся на миниатюрахъ.

¹⁾ Объ этомъ см. «Зодчій», 1880 года, мою статью: «Русское зодчество въ западной оцѣнкѣ», №№ 1 и 2.

Перейдемъ теперь къ другимъ сооруже́ніямъ не религіознаго характера.

На страницѣ 71(а) имѣется, напр., зданіе съ возвышенною среднею частію, покрытою двускатною кровлею, и съ низкими боковыми частями, покрытыми односкатными кровлями (табл. VI, черт. 30). Общій видъ его безспорно западный и очертаніе это есть не что иное, какъ очертаніе древне-христіанской базилики, которое постоянно повторяется какъ въ большихъ сооруже́ніяхъ, такъ и въ мелкихъ вещахъ, въ романскую и готическую эпоху, и кромѣ того встрѣчается во многихъ византійскихъ церквахъ (Каѳоликонъ, св. Ѳеодора въ Аѳинахъ, и др.). Но онъ не чуждъ и нашему зодчеству, хотя и появляется въ памятникахъ довольно позднихъ (XVII вѣкъ), каковы напр. входныя врата Воскресенскаго собора въ городѣ Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ., или же Соколиная башня въ селѣ Коломенскомъ (табл. VI, черт. 28). Конечно, теперь трудно сказать навѣрное, откуда попала въ нашу миниатюру эта форма, съ западныхъ или византійскихъ рисунковъ, или изъ своего источника, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе, ибо незачѣмъ искать за-моремъ того, что имѣется дома, передъ глазами.

Въ миниатюрахъ рукописи есть много изображеній частныхъ, жилыхъ домовъ, съ узкимъ лицевымъ фасадомъ и острымъ щипцомъ, какъ напр. на страницахъ 115(а), 90(а), 29, 116(а) (табл. VII, черт. 36, 38, 39, 40 и 43), напоминающихъ собою по своему общему приему готическіе дома, но, съ другой стороны, если принять во вниманіе, что складъ нашихъ старыхъ деревянныхъ домовъ былъ почти такой же, то станетъ очевиднымъ, что миниатюристъ руководствовался родною формою. И дѣйствительно, наша старая деревянная архитектура любила вытянутые фасады и крутые скаты крышъ. Иностранные путешественники (Петрей) свидѣтельствуешь, что въ Московскомъ государствѣ дома строятся

чрезвычайно высокіе, деревянныя, въ двѣ или три комнаты одна надъ другой. Такіе же фасады мы видимъ на рисункахъ Олеарія ¹⁾ (табл. VII, черт. 34), причемъ нѣкоторые изъ нихъ представляютъ совершенное подобіе миниатюрныхъ изображеній (табл. VII, черт. 35 и 36). Мало того, въ этихъ изображеніяхъ встрѣчаются такія мелкія подробности, которыя могъ уловить только человѣкъ хорошо знакомый съ дѣломъ; такъ напр. на стр. 73₍₂₎ изображенъ домъ, на фасадѣ котораго вертикальныя очертанія переходятъ подъ самой крышей въ выкружку (табл. VII, черт. 40, b, b). Эти выкружки суть не что иное, какъ повтореніе тѣхъ разваловъ, которые дѣлались иногда въ верхнихъ частяхъ срубовъ нашихъ деревянныхъ сооружений (табл. VII, черт. 41 и 37 а а'). Замѣтимъ между прочимъ, что очертаніе фасада чертежа 40 представляетъ полнѣйшее тождество по своей соразмѣрности съ алтарною абсидою церкви, представленной на черт. 37 (табл. XII).

Что же касается до крутыхъ крышъ, то мы видимъ ихъ не только у Олеарія, но и на рисункахъ новѣйшихъ путешественниковъ, какъ напр. у Демидова, и даже на нынѣ существующихъ зданіяхъ (табл. VI, черт. 32 и табл. VII черт. 37). Этотъ скатъ обусловливается какъ климатическими особенностями страны, такъ и свойствами самаго матеріала—тѣса, который при застоѣ воды легко загниваетъ. И если этотъ крутой подъѣмъ кровли исчезаетъ теперь въ нашемъ сельскомъ зодчествѣ, то очевидно во 1-хъ, подъ вліяніемъ городскимъ, а во 2-хъ, подъ вліяніемъ новаго матеріала—желѣза, которое допускаетъ меньшій уклонъ. Боковые фасады домовъ украшены на миниатюрахъ рукописи рядами треугольныхъ фронтонычювъ (табл. VII, черт. 42, 43, 44). Изъ рисунковъ Олеарія мы видимъ, что если зданіе состояло по длинѣ изъ нѣсколькихъ срубовъ, то русскіе

¹⁾ См. «Adam. Olearii», и пр., Schlesswig, MDCLXXI.

покрывали иногда каждый изъ нихъ отдѣльнымъ щипцомъ, вслѣдствіе чего фасадъ окаймлялся сверху весьма живописной ломаной линіей (табл. IV, черт. 19). А изъ рисунковъ Даля становится яснымъ, что мотивъ этотъ принялъ меньшій масштабъ и сталъ просто украшеніемъ (табл. VII, черт. 41). Очевидно, что въ этой-то послѣдней переработкѣ этотъ мотивъ и вошелъ въ миниатюрныя изображенія, ибо напр. треугольные щипчики чертежей 43-го и 41-го (табл. VII) представляютъ собою полнѣйшую аналогію. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ каменную архитектуру, гдѣ эти треугольные щипчики играютъ роль кокошниковъ, какъ мы это видимъ напр. на церквахъ въ сс. Дьяковкѣ, Вишняковѣ, и пр.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ военной архитектуры, встрѣчающимся въ миниатюрахъ.

Наиболѣе видное мѣсто между ними занимаютъ башни весьма различныхъ формъ, изъ которыхъ однѣ относятся къ западному зодчеству, другія—къ русскому, а третьи представляютъ собою виды общіе тому и другому. Башни перваго вида мы рассмотримъ ниже, въ отдѣлѣ западныхъ зданій; къ башнямъ втораго вида относятся башни прямоугольныя въ планѣ, съ вышкою надъ шатромъ (табл. VIII, черт. 63 и табл. IX, черт. 65), а къ башнямъ третьяго вида—башни круглыя (табл. VIII, черт. 45 и 46) и башни квадратныя въ планѣ, съ навѣсными бойницами на верху (табл. VIII, черт. 52 и 55).

Башни круглыя, въ родѣ той, которая представлена на стр. 22 и 10₍₂₎ (табл. VIII черт. 45 и 46), встрѣчаются, кромѣ Олсарія (табл. VIII, черт. 50, 51 и 54), на древнихъ планахъ городовъ (табл. VIII, черт. 47) и наконецъ во многихъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени крѣпостяхъ, какъ напр. въ Новгородѣ, Порховѣ, Смоленскѣ, Соловецкомъ монастырѣ, Печерскомъ монастырѣ (табл. VIII, черт. 53), и пр. Онѣ оканчивались обыкновенно прямыми зубцами или же покрывались коническою крышею.

Прямоугольныя въ планѣ башни съ выступами на верху для образованія такъ называемыхъ «машикули» или «навѣсныхъ стрѣльницъ» составляютъ, подобно круглымъ башнямъ, достояніе общее Россіи и Запада. Особенность ихъ устройства заключалась въ томъ, что позволяла бросать, или правильно ронять съ верхней платформы, чрезъ нижнія отверстія выступовъ, большіе камни на лѣзущаго на приступъ непріятеля (табл. VIII, черт. 48 и табл. XIV, черт. 125 и 126). Машикули дѣлались на Западѣ сперва большею частью деревянныя, временныя, только на случай войны, а въ мирное время на башняхъ красовались одни лишь зубцы. Но, въ ожиданіи предстоящей осады, изъ особенныхъ отверстій въ верхней части стѣны и изъ промежутковъ между зубцами выпускались наружу горизонтальные концы бревенъ и на нихъ устраивался деревянный закрытый балконъ съ отверстіями внизу, для бросанія камней, выливанія кипятку, горячей смолы и для прочихъ оборонительныхъ приѣмовъ, и съ бойницами въ стѣнахъ для лучнаго боя. Просвѣты между зубцами служили дверями для выхода на балконъ. Иногда, впрочемъ, эти машикули дѣлались постоянными, и тогда ихъ снаружи или оштукатуривали или одѣвали аспидными пластинками (табл. XIV, черт. 122, 125 и 128).

Въ случаѣ временныхъ «машикули» всѣ ихъ составныя части, какъ-то: бабки, балки и подкосы, убирались, по мнновенію въ нихъ надобности, куда-нибудь подъ навѣсъ или на башенные чердаки. Понятно, что при такихъ условіяхъ для полнаго вооруженія всего замка, т.-е. его стѣнъ и башенъ, нужно было во 1-хъ много лѣсу, а во 2-хъ много плотниковъ и кузнецовъ, между тѣмъ все это стоило дорого и не всегда было подъ руками, да и кромѣ того непріятель весьма часто успѣвалъ истреблять огнемъ деревянныя машикули. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, заставили измѣнить подобный способъ постройки, вслѣдствіе чего сперва стали выпускать, во время самой кладки, вмѣсто горизон-

тальныхъ бревенъ, каменные кронштейны, и на нихъ уже утверждать деревянныя машикули, что значительно сокращало и время и издержки, а потомъ перешли прямо къ каменнымъ машикули, и въ готическую эпоху стали ихъ дѣлать вмѣстѣ съ каменной стѣной (табл. XIV, черт. 126 и 127).

Эти оборонительные приемы перешли на нашу почву и привились къ нашей военной архитектурѣ подъ именемъ «навѣсныхъ бойницъ» или «навѣсныхъ стрѣльницъ». Первоначальное ихъ появленіе у насъ елѣдуетъ приписать деревянной архитектурѣ, т.-е. башнямъ тѣхъ остроговъ и крѣпостей, которые были столь обильно разсѣяны въ нашихъ пограничныхъ областяхъ. Изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ въ рисункахъ (табл. VIII, черт. 49), другія же сохранились до нашего времени (табл. VIII, черт. 48). Съ появленіемъ у насъ каменныхъ крѣпостей, бойницы эти, весьма естественно, перешли на нихъ, причемъ также, какъ и на Западѣ, у насъ были каменные стѣны и башни какъ съ временными деревянными навѣсными бойницами, такъ и съ постоянными—каменными. Образцами послѣдняго устройства могутъ служить стѣны и башни Китай-города въ Москвѣ (табл. IX, черт. 67 и 69 и табл. X, черт. 71). Что касается до устройства перваго рода, то хотя намъ лично не случалось видѣть памятниковъ, въ которыхъ бы подобное устройство сохранилось до нашего времени, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ уцѣлѣли его несомнѣнные слѣды, такъ напр. при исправленіи стѣнъ Московскаго Кремля, зубцы которыхъ стоятъ непосредственно на стѣнѣ, а не на навѣсныхъ бойницахъ, найдены были во 1-хъ, отверстія подъ зубцами, а во 2-хъ, задѣланные въ стѣну отвѣсно къ ея лицевой плоскости выпускные дубовые брусья ¹⁾, которые

¹⁾ Любезно сообщено намъ однимъ изъ участниковъ работъ, председателей Московскаго Архитектурнаго Общества, архитекторомъ Н. В. Пивитинымъ.

не для чего иного, какъ для образованія навѣсныхъ бойницъ служить не могли.

Подобныя башни, съ прямоугольникомъ въ планѣ, съ навѣсными бойницами и съ четырехскатнымъ шатровымъ покрытіемъ, изображенныя въ миниатюрахъ рукописи (табл. VIII, черт. 52 и 55), встрѣчаются не только у Олеарія (табл. VIII, черт. 49), но и во многихъ и теперь еще существующихъ образцахъ, какъ напр. башни Владычнаго монастыря въ Серпуховѣ, башни въ городѣ Илимскѣ (табл. VIII, черт. 57), въ Смоленскѣ (табл. VIII, черт. 56), и проч.

Наконецъ третій видъ башенъ — это башни съ вышкой или такъ называемыя «подзорныя», служившія кромѣ обороны еще для наблюденія за непріятелемъ и за отдаленными окрестностями; въ силу этого онѣ дѣлались гораздо выше обыкновенныхъ, причемъ высота ихъ достигала до 12 сажень и онѣ оканчивались наверху караулкой или вышкой. Образцами подобнаго устройства могутъ служить башни нашихъ остроговъ, какъ напр. Красноярскаго или Илимскаго (табл. IX, черт. 68 и 70). Видъ этотъ былъ весьма распространенъ въ нашемъ зодствѣ, какъ въ каменномъ, такъ и въ деревянномъ, и представляетъ собою видъ чисто русскій по своему происхожденію: въ гористыхъ странахъ Западной Европы, гдѣ замки располагались на высокихъ скалахъ, незначительное увеличеніе высоты башни не имѣло особеннаго значенія, между тѣмъ въ нашихъ плоскихъ какъ ладонь равнинахъ каждая сажень кверху необычайно расширяетъ кругозоръ, что было весьма важно для военныхъ цѣлей и вынудило перенести наблюдательные посты съ уровня зубцовъ на верхушку кровли. Эту деревянную форму наши зодчіе перенесли въ каменную архитектуру, и все видоизмѣненіе, которое они при этомъ въ нее внесли, заключается въ томъ, что на средней наклонной части они помѣстили слуховыя окна. Если мы теперь обратимся къ башнямъ, изображеннымъ въ миниатюрахъ рукописи (табл. VIII, черт. 63 и табл. IX, черт. 65),

то увидимъ, что онѣ представляютъ совершенное тождество не только съ рисунками Олеарія (табл. VIII, черт. 59, 60 и 61) и иконописными изображеніями (табл. VIII, черт. 62), но и съ существующими образцами (табл. VIII, черт. 58 и табл. IX, черт. 66). Въ рукописи встрѣчается еще одна форма башенъ (табл. IX, черт. 64), составляющая какъ-бы переходъ отъ простой прямоугольной башни къ подзорной, который заключается въ томъ, что на шатрѣ располагаются слуховыя окна. Приѣмъ этотъ встрѣчается въ бывшихъ «Гербовыхъ» воротахъ въ Московскомъ Кремлѣ, къ несчастію давно уже сломанныхъ и сохранившихся только въ рисункѣ А. А. Мартынова, помещенномъ въ «Русской Старинѣ» Снегирева.

Зубцы крѣпостныхъ стѣнъ въ миниатюрахъ рукописи (табл. X, черт. 72) имѣютъ прямоугольную форму, въ родѣ той, которая была въ большомъ ходу на Западѣ въ готическую эпоху, хотя впрочемъ нельзя сказать, чтобы они были совсѣмъ чужды русскому зодчеству, что вполне подтверждается стѣнами и башнями новгородскаго Кремля (табл. X, черт. 74).

Покончивши съ отдѣльными зданіями, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію миниатюрныхъ изображеній мелкихъ частей.

Церковныя главы представлены въ рукописи въ видѣ круглой или многогранной луковицы (табл. X, черт. 76 и 77) и имѣютъ всѣ особенности московскаго періода, т.-е. черепичное покрытие (табл. X, черт. 73), прорѣзное кружево на шейкѣ (табл. X, черт. 75), восьмиконечный крестъ (табл. X, черт. 75) и наконецъ шейку съ узкими щелеобразными окнами (табл. X, черт. 76). Для сравненія съ существующими формами укажемъ на черт. 9-й (табл. II), черт. 25-й (табл. V), и др.

Вмѣстѣ съ церквами въ миниатюрахъ «Житія» очень часто встрѣчаются изображенія колоколни въ видѣ особой формы, извѣстной теперь подъ именемъ «звонницы» (табл. X, черт. 78 и табл. XI, черт. 86 и 89). Колоколни въ Россіи представляютъ собою явленіе довольно позднее, и въ первыхъ нашихъ церквахъ призывъ къ богослуженію, по примѣру грековъ, со-

вершался съ помощью ударовъ въ металлическое било, на что мы имѣемъ неоднократныя лѣтописныя указанія; такъ напр. о Печерскомъ монастырѣ говорится въ лѣтописи, что предъ кончиною Феодосія, братія «ударюша въ била, собравшася вси» (П. С. Л., I, стр. 80). Хотя о колоколахъ упоминается еще въ XI вѣкѣ, но они были рѣдки и малы и долго не могли вытѣснить изъ употребленія била, на что есть также лѣтописныя указанія; такъ напр., говоря о погромѣ Москвы, произведенномъ ханомъ Тохтамышемъ въ 1382 году, лѣтопись замѣчаетъ, что «не бѣ звоненія въ колоколы, ни въ била» (П. С. Л., VI, 102). А это ясно показываетъ, что во многихъ церквахъ московскихъ еще и тогда были въ употребленіи била ¹⁾. Это явленіе вполне понятно: въ то время, когда даже сосуды церковныя были деревянныя, у бѣдныхъ церквей не было лишнихъ средствъ, чтобы тратить ихъ на колокола. Подобное било изображено на страницѣ 147 (табл. X, черт. 79), и хотя оно помѣщено не по прихоти художника, а вызвано текстомъ, который говоритъ: «повелѣ утрению клепати», но тѣмъ не менѣе это свидѣтельствуетъ о знакомствѣ художника съ подобнымъ приборомъ, ибо изображеніе его могло быть смѣло выпущено, безъ всякаго ущерба для смысла миниатюры. Если не было колоколовъ, то не было надобности и въ какихъ-либо отдѣльныхъ для нихъ постройкахъ. Била размѣщались у входныхъ церковныхъ дверей, а первые колокола, отличавшіеся весьма незначительнымъ вѣсомъ и объемомъ, вѣшались подъ кровлю входа.

Колокольни повидимому впервые появляются у насъ во Псковѣ и Новгородѣ, по образцу тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Греціи въ византійскій періодъ (табл. XI, черт. 83),

¹⁾ Объ этомъ подробно см. статью П. С. Казанскаго: «О призывѣ къ богослуженію въ восточной церкви» (Труды Перваго Археологическаго Съѣзда, ч. I, стр. 300).

а также на Западѣ (табл. XI, черт. 85), т.-е. въ видѣ стѣнки, съ нѣсколькими пролетами для колоколовъ, каковы напр. многія уцѣлѣвшія до насъ звонницы Пскова и Новгорода (табл. X, черт. 80 и табл. XI, черт. 84). Эта форма съ сѣверо-востока перешла въ Москву; по крайней мѣрѣ мы, на основаніи многихъ данныхъ, можемъ судить, что до XVI вѣка тамъ каменныхъ колоколенъ не было и что даже въ началѣ XVII вѣка онѣ имѣли весьма малое распространеніе, а наша изящная каменная шатровая колокольня въ ея окончательно развитомъ видѣ, т.-е. съ нѣсколькими ярусами слуховъ и луковочною головкою, есть всецѣло принадлежность Романовской эпохи. Мы знаемъ, напр., изъ лѣтописей, что при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ (1591—98) главный колоколъ, вѣсомъ въ тысячу пудовъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ, среди Кремлевской площади, и въ него звонили во время царскихъ выѣздовъ. Затѣмъ у Олеарія на изображеніи одной изъ церквей московскихъ нарисованы колокола, подвѣшенные просто на деревянной перекладинѣ, опирающейся однимъ концомъ на церковный подоконникъ, а другимъ—на столбъ (табл. XI, черт. 94), а на видѣ Нижняго-Новгорода представлены два большіе колокола, которые висятъ на толстыхъ, раскошенныхъ столбахъ съ перекладиною (табл. XI, черт. 95). Въ нѣкоторыхъ старыхъ московскихъ церквяхъ уцѣлѣли еще звонницы. Такъ напр. въ церкви села Дьякова, основанной въ началѣ XVI вѣка В. Ю. Василиемъ Іоанновичемъ, сохранилась звонница, совершенно сходная по своему виду со псково-новгородскими, но только съ разными добавочными украшениями московскаго характера (табл. XI, черт. 82). Рукопись по времени своего появленія (конецъ XVI вѣка) застаётъ русское зодчество именно въ эту эпоху, и поэтому въ ней постоянно встрѣчается изображеніе звонницъ (табл. X, черт. 78 и табл. XI, черт. 86 и 89), которыя представляютъ большое сходство или съ существующими образцами (табл. XI, черт. 82), или же съ иконописными изображеніями (табл. X, черт. 81 и табл.

XI, черт. 87). Что же касается до колоколенъ, то онѣ попадаются въ рукописи гораздо рѣже, и то не иначе, какъ деревянныя (табл. XI, черт. 88, 90 и 91), что опять-таки вполне вѣрно съ историческими данными.

Не менѣе любопытныя подробности находимъ мы въ миниатюрахъ и относительно гражданскихъ сооружений, каково напр. изображеніе крыльца, роль котораго въ нашей древней жизни была несравненно шире нынѣшней; значеніе его не ограничивалось только тѣмъ, что оно служило необходимымъ входомъ въ жилище, но обуславливалось также извѣстными «обычными» сторонами жизни. Оно было мѣстомъ, гдѣ прилагался тогдашній «чинъ» или этикетъ бытовыхъ отношеній, не чуждыхъ сильной обрядности. По смыслу этого «чина», почетному гостю нужно было дѣлать три встрѣчи, а такъ какъ на крыльцѣ обыкновенно происходили встрѣчи и проводы гостей, то слѣдовательно этотъ обычай и долженъ былъ породить особый видъ крыльца. Согласно этому, древне-русское крыльцо состояло изъ трехъ площадокъ, «роздыховъ» или «рундуковъ», расположенныхъ на разныхъ уровняхъ и соединенныхъ лѣстницами. Нижній квадратный помостъ или рундукъ располагался обыкновенно нѣсколько выше двора, верхній на уровнѣ пола сѣней противъ входныхъ дверей, а средній на половинной высотѣ между двухъ предыдущихъ; лѣстницы располагались или такъ, что верхняя поворачивала подъ прямымъ угломъ относительно нижней, или же шла по одному съ ней направленію и служила ея продолженіемъ. Лѣстницы и площадки вмѣстѣ взятая составляли въ общемъ крыльцо, которое располагалось или отвѣсно къ лицу зданія, какъ напр. въ бывшей Большой Золотой Палатѣ Московскаго Кремля, или же сбоку зданія, какъ это мы видимъ теперь на Красномъ Крыльцѣ въ Москвѣ и на рисункахъ Олеарія (табл. XI, черт. 92). Пріемъ этотъ встрѣчается въ крытыхъ крыльцахъ нашихъ церковныхъ папертей; хотя въ церквахъ рундуки эти не могли уже имѣть такого значенія, какъ въ частныхъ до-

махъ, но они очевидно были перенесены въ церковное зодчество какъ разъ навсегда установленная форма крыльца.

Примѣровъ подобныхъ расположеній весьма много въ нашемъ зодествѣ: таково напр. сѣверное крыльцо церкви въ селѣ Останкинѣ, крыльцо бывшаго Сновидскаго монастыря, и проч. Въ этихъ примѣрахъ (табл. XI, черт. 93) съ боковаго фасада столбы соотвѣтствуютъ площадкамъ, а ползучія арки—лѣстницамъ; слѣдовательно и здѣсь лѣстница имѣетъ три рундука и два подъема. Если же мы теперь сравнимъ это послѣднее изображеніе съ рисункомъ миниатюры (табл. XI, черт. 96), то увидимъ не только сходство, но и полнѣйшее тожество.

Что касается до покрытія зданій, то они въ русскомъ зодествѣ были весьма самобытны и разнообразны, и въ миниатюрѣ есть разные ихъ виды. Въ большинствѣ случаевъ русскія зданія, прямоугольныя въ планѣ, покрывались четырехскатною или двухскатною кровлею, но иногда двухскатная кровля замѣнялась особаго рода покрытіемъ, которое носило названіе «бочки» и дѣйствительно представляло собою подобіе бочки, срѣзанной въ нижней части по длинѣ и заостренной вверху (табл. XII, черт. 101 и 102). Нижнимъ своимъ срѣзомъ бочка располагалась на строеніи, а верхнее острое ребро предназначалось для защиты ея отъ дождя и снѣга. Поперечное сѣченіе такой бочки, по своимъ очертаніямъ, представляло подобіе луковочной головки и отличалось различною соразмѣрностью, которая обусловливалась главнымъ образомъ величиною отсѣкаемаго сегмента; высота же этого сегмента видоизмѣнялась въ предѣлахъ отъ одной пятой до одной трети общаго поперечника, а вся высота бочки по большей части постоянною, ибо то, что отбавлялось на сегментѣ, дополнялось остриемъ. Само собою разумѣется, что это видоизмѣненіе соразмѣрности сильно вліяло на общій обликъ очертанія, что лучше всего замѣтно на разныхъ частныхъ примѣрахъ (табл. XII, черт. 101, 102 и 110). Высота

подобной кровли, крутой подъемъ и ширина ся боковъ послужили поводомъ къ устройству въ ней особыхъ покоевъ, предназначавшихся для лѣтняго житья, какъ это мы видимъ въ Коломенскомъ дворцѣ (табл. XII, черт. 101). Совершенно такія же кровли бочкой мы видимъ въ миниатюрахъ рукописи, и черт. 97, 98 и 99 (табл. XII) въ точности повторяютъ формы, существующія въ натурѣ, или сохранившіяся въ рисункахъ (табл. XII, черт. 101 и 102), а на первомъ изъ нихъ (97) въ бочкѣ даже показаны окна чердачныхъ помѣщеній, какъ въ Коломенскомъ дворцѣ ¹⁾.

Обширные покои, квадратные въ планѣ, обыкновенно покрывались особаго рода кровлей, которая называлась «кубомъ», и представляла собою извѣстное видоизмѣненіе бочки. Это видоизмѣненіе заключалось въ томъ, что боковыя выпуклыя части бочки располагались на всѣ четыре стороны, а верхнія вогнутыя сводились по срединѣ въ одну общую острую вершину. Такая кровля была между прочимъ на одной изъ клѣтѣй Коломенскаго дворца (табл. XII, черт. 103).

Иногда на квадратныхъ клѣткахъ устраивалась крыша, образованная крестовымъ пересѣченіемъ двухъ бочекъ, причемъ на каждую сторону выходилъ поперечный обрѣзъ бочки (табл. XII, черт. 110). Такого рода покрытія дѣлались по большей части надъ площадками крылецъ или надъ входными вратами церквей, или же надъ подножіями церковныхъ главокъ, и уцѣлѣли не только въ нашихъ старыхъ каменныхъ постройкахъ (табл. XII, черт. 106 и 110), но и въ деревянныхъ зданіяхъ (табл. XII, черт. 109).

Образцы обѣихъ формъ, т.-е. «кресчатой бочки» и крыши «кубомъ» имѣются въ миниатюрахъ рукописи (табл. XII, черт. 104, 105 и 107).

Чтобы покончить съ каменной архитектурой, намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ одной весьма харак-

¹⁾ Объ этомъ подробно см. Забѣлина: «Черты самобытности», и проч.

терной формѣ, которая имѣется въ миниатюрныхъ изображеніяхъ. Мы говоримъ о парныхъ аркахъ, опирающихся на подвѣсную гирьку (табл. XII, черт. 108). Форма эта была чрезвычайно распространена въ нашемъ зодствѣ, и для сравненія мы приводимъ подвѣсныя арки крыльца Василя Блаженнаго (табл. XII, черт. 111).

Но особеннымъ знатокомъ является миниатюристъ въ деревянныхъ постройкахъ, и всѣ изображенія ихъ дышатъ у него замѣчательной правдой. Такъ напр. у него весьма часто попадается изображеніе воротъ, которыя состоятъ изъ двухъ столбовъ, покрытыхъ продольною двускатною крышею, а въ промежуткѣ между ними, въ досчатой заборкѣ, сдѣланъ прорѣзь, предназначенный для полотницъ и ограниченный сверху кривой линіей (табл. XIII, черт. 112). Эта форма уцѣлѣла и донынѣ въ нашемъ деревянномъ зодствѣ, такъ напр. мы видимъ ее въ домѣ купца Сапожникова, въ Гороховцѣ, Владимірской губерніи ¹⁾, или еще въ болѣе близкомъ видѣ въ богатой крестьянской избѣ Костромской губерніи, зарисованной художникомъ Чернецовымъ и помѣщенной въ «Зодчѣмъ» (1872) покойнымъ Л. В. Далемъ (табл. XIII, черт. 113).

Замѣчательною вѣрностью отличаются въ миниатюрахъ изображенія деревянныхъ оградъ и заборовъ, такъ напр. на стр. 135 представленъ заборъ, состоящій изъ столбовъ, въ пазахъ которыхъ загнана лежащая досчатая заборка (табл. XIII, черт. 116); на стр. 145 ограда (табл. XIII черт. 114), состоящая изъ невысокихъ столбиковъ (а, а', а''), промежутки, между которыми забраны горизонтальными брусками (b, b' b'' b'''....), и наконецъ на стр. 142—тынъ или частоколъ (табл. XIII, черт. 115), подробность изображенія котораго доходитъ до того, что на немъ не забыты даже тѣ верхніе шипы (а, а', а''....), которые соединяютъ бревна между собой.

Не менѣе отчетливости видимъ мы въ миниатюрѣ и въ изо-

¹⁾ См. «Зодчій», 1878 года, листъ 26.

браженіи дверныхъ полотнищъ и деревянной набережной. На черт. 121 (табл. XIII) ясно видно устройство двери, которая состоитъ изъ обвязки, обшитой сверху накосными досками, а черт. 117 (табл. XIII) изображаетъ набережную весьма первобытнаго устройства, заключающагося въ томъ, что въ рѣчное дно, близъ берега, вбиваются сваи, съ развилкою на верхнемъ концѣ, и за нимъ дѣлается досчатая заборка для поддержанія земли; на верхніе концы свай насаживается продольный брусъ, а на выступающіе концы развилокъ—надѣвается насадка, которая своимъ выступомъ облегчаетъ причалъ и нагрузку судовъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ чисто русскихъ формъ, встрѣчаются въ миниатюрахъ и формы западныя, какъ это видно напр. на изображеніи нѣкоторыхъ башенъ, домовъ, церквей, и проч. Такъ напр. на стр. 52_(г) есть изображеніе, неоднократно повторяющееся далѣе и представляющее собою продолговатое зданіе, покрытое двускатною крышею, конецъ которой оканчивается восьмигранникомъ, зажатымъ между двумя четырехугольными башнями (табл. XV, черт. 132). Самаго поверхностнаго и бѣлаго обзора достаточно для того, чтобы узнать въ немъ западную сводчатую базилику романской эпохи. Базиликъ подобной формы множество, и имъ имя—легіонъ: стоитъ только вспомнить базилики въ Боннѣ, въ Лаахѣ, въ Кельнѣ, соборъ въ Бамбергѣ (табл. XV, черт. 131), и проч. Затѣмъ нѣкоторыя башни (табл. XIII, черт. 118, 119 и табл. XIV, черт. 124) имѣютъ совершенно западный характеръ. Башня чертежа 118 увѣнчана настоящимъ романскимъ арочнымъ карнизикомъ, который имѣетъ несомнѣнное сродство съ каменными навѣсными стрѣльницами (табл. XIV, черт. 127). Башня черт. 124 имѣетъ четырехгранное пирамидальное покрытие и четыре маленькихъ дозорныхъ башенки по угламъ. Видъ этотъ былъ очень распространенъ на Западѣ въ готическую эпоху, и для примѣра мы укажемъ на башни въ Прагѣ, въ замкѣ

Пьерфонъ близъ Компьеня, въ Нюренбергѣ (табл. XIV, черт. 123), и др. Наконецъ башня черт. 119 (табл. XIII) состоитъ изъ элементовъ, которые можно считать настолько же западными, насколько и русскими. Такъ напр. прямоугольные зубцы составляютъ принадлежность западной крѣпостной архитектуры, хотя и встрѣчается иногда, какъ мы это уже видѣли, и у насъ, напр. въ Смоленскѣ, Новгородѣ, Соловкахъ, и пр.; затѣмъ тройное окно подъ одною полуциркульною впадиною—мотивъ безспорно романскій, но зато онъ встрѣчается и у насъ во дворцѣ Андрея Боголюбскаго (табл. XIII, черт. 120).

Впрочемъ, кромѣ этихъ двойственныхъ формъ встрѣчается въ рукописи не мало такихъ, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своемъ происхожденіи. Таковы напр. нѣкоторые фасады частныхъ домовъ (табл. XIV, черт. 130) и башни, по всей вѣроятности церковныя, съ угловыми быками (контрфорсами) (табл. XV, черт. 133). Щипцы зубчатой формы составляютъ исключительную принадлежность средневѣковой Европы и никогда у насъ не употреблялись. Для сравненія приводимъ фасады жилого дома въ Кельнѣ (табл. XIV, черт. 129) и бойни въ Гентѣ (табл. I, черт. 1). Что же касается до башни чертежа 133 (табл. XV), то ея угловые быки (контрфорсы) составляютъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей готическаго стиля, что лучше всего видно изъ прилагаемыхъ примѣровъ (табл. XV, черт. 134 и 137).

На этомъ мы полагаемъ возможнымъ покончить со зданіями западныхъ формъ и перейти теперь къ разсмотрѣнію утвари, изображеніе которой встрѣчается въ миниатюрахъ, хотя, строго говоря, разсмотрѣніе это не должно входить въ наше изслѣдованіе, ибо задача его ограничивается однѣми архитектурными формами. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о миниатюрныхъ изображеніяхъ утвари, потому что они служатъ подтвержденіемъ главной мысли

нашего изслѣдованія. Въ рукописи встрѣчается, напр. нѣсколь-
ко разъ изображеніе рѣзнаго, узорнаго паникадила, состоящаго
изъ средней низкой цилиндрической части, подвѣшенной на
трехъ цѣпяхъ, ко дну которой примыкаетъ полушаръ (табл.
XVI, чер. 143). Изъ сравненія оказывается, что эта форма
вовсе не выдумана рисовальщикомъ, а существуетъ въ дѣй-
ствительности: въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ, имѣется
точно такое же паникадило мѣдное, прорѣзное, новгородской
работы (табл. XVI, черт. 146).

На страницѣ 17_(г) изображена дарохранительница въ
видѣ небольшого ящика со сферической крышкой и неболь-
шимъ шарикомъ вмѣсто ручки (табл. XVI, черт. 154). Въ
ризницѣ Спасо-Евѣимьевскаго монастыря въ Суздаль имѣется
точно такая же дарохранительница (табл. XVI, черт. 155).

Формы подсвѣчниковъ, выносныхъ крестовъ, святитель-
скихъ посоховъ, изображенныхъ въ рукописи (табл. XVI, черт.
140, 141 и 147), въ ходу еще до сихъ поръ и имѣютъ
своихъ представителей въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ
(табл. XVI, черт. 139 и 144). Мебель, которая представлена
въ миниатюрахъ, какъ напр. кресла и столы (табл. XV, черт.
136), оканчиваются внизу полукруглыми вырѣзками, опи-
рающимися на фигурныя ножки, и это опять не выдуманный,
а дѣйствительно существовавшій приѣмъ, дошедшій до насъ
въ старыхъ предметахъ. Мы встрѣчаемъ его напр. въ старин-
ной утвари, рисунки которой были помѣщены Б. К. Веселовскимъ въ
«Зодчемъ» за 1879 годъ (табл. XV, черт. 135 и 138). Наконецъ сосудъ для горячей воды, представленный
на стр. 20_(г) (табл. XVI, черт. 148), хорошо знакомъ всякому,
кто хоть разъ входилъ въ алтарь нашихъ сельскихъ церквей.

Встрѣчаются въ рукописи еще сосуды, въ видѣ полу-
круглой чаши на конической ножкѣ (табл. XIV, черт. 162),
у которыхъ какъ самая чаша, такъ и ножка украшены ша-
рообразными выпуклостями (а, а'). Эти выпуклости начина-
ютъ попадаться въ нашихъ металлическихъ издѣліяхъ въ

концѣ XIV вѣка, и безъ всякаго сомнѣнія занесены къ намъ съ Запада нѣмецкими художниками и ремесленниками. Лучшимъ подтвержденіемъ этого предположенія могутъ служить рисунки Альбрехта Дюрера (табл. XVI, черт. 159), помѣщенные въ «Gazette de beaux arts» (мартъ 1878), которые представляютъ собою наброски сосудовъ, украшенныхъ именно такими же выпуклостями, и весьма сходныхъ по своему виду съ кубками, довольно часто попадающимися въ нашихъ ризницахъ (табл. XVI, черт. 160).

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что нѣкоторые изъ предметовъ домашняго обихода, какъ напр. топоръ, горшокъ, бочка, калачъ, и проч. (табл. XVI, черт. 145, 150, 151 и 153) — отличаются поразительною правдою изображенія. Что же касается до нѣкоторыхъ приемовъ сельскаго хозяйства, какъ напр. сѣянія, жатвы, складыванія сноповъ въ копны (табл. XIV, черт. 157, 158 и 161), то кромѣ безусловной вѣрности изображенія, они отличаются еще безспорно мѣстнымъ, чисто русскимъ характеромъ.

При разсматриваніи миниатюръ «Житія Николая Чудотворца», какъ и при разсматриваніи всякаго другаго стариннаго памятника, невольно шевелятся въ головѣ разные вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: «Подлинныя-ли это миниатюры или нѣтъ? — Кто былъ ихъ авторъ: иностранный или русскій художникъ? — Если русскій, то откуда — изъ Кіева, Новгорода или Москвы?» и т. п.

Попробуемъ теперь поискать отвѣта на всѣ эти вопросы съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя мы получили путемъ сравнительнаго изученія архитектурныхъ формъ.

Допустимъ во 1-хъ, что всѣ эти миниатюры поддѣльны и что всѣ онѣ позднѣйшаго происхожденія, т.-е. предположимъ, что въ рукописи были оставлены писцомъ мѣста для рисунковъ, которые почему-либо не были исполнены, и что затѣмъ несравненно позже, примѣрно въ XVIII или даже въ XIX вѣкѣ, они были къмъ нибудь пририсованы. Подобное

предположеніе могло бы имѣть извѣстную долю вѣроятія, если бы оно не шло вразрѣзъ съ историческимъ развитіемъ нашей науки, и чтобы убѣдиться въ его несостоятельности, стоитъ только бросить хотя бѣглый взглядъ на современное состояніе археологіи русскаго зодчества. Дѣйствительно, этотъ научный отдѣлъ до сихъ поръ еще крайне не разработанъ и серьезная постановка его появилась впервые лишь въ трудахъ графа А. С. Уварова ¹⁾, покойнаго Л. В. Дала ²⁾ и И. Е. Забѣлина ³⁾, слѣдовательно всего какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ какъ миниатюрныя изображенія архитектурныхъ формъ вполне вѣрны эпохѣ появленія рукописи, т.-е. самому концу XVI вѣка: въ нихъ нѣтъ ни одного типа эпохи царей Михаила Феодоровича или Алексѣя Михайловича, — такъ напр. нѣтъ ни одной каменной шатровой колокольни со слухами и луковичной главкой, нѣтъ ни одной пятиглавой церкви съ тонкими шеями (барабанами), вычурными главками, неизбѣжнымъ подлѣтомъ и ходовою папертью вокругъ, въ родѣ церкви «Николы на Столпахъ», въ Москвѣ; нѣтъ наконецъ ни одного зданія въ стилѣ «Русскаго Барокко», составляющемъ исключительную принадлежность конца XVII в., образцами котораго могутъ служить церкви въ сс. Сафаринѣ, Покровскомъ на Филяхъ, Петровскомъ-Разумовскомъ, и многія другія.

Спрашивается, кто-же могъ-бы поддѣлать миниатюры, отличающіяся не только замѣчательною археологическою вѣрностью, но даже не представляющія ни одного анахронизма, если тридцать лѣтъ тому назадъ во всей Россіи не было ни единого человѣка, познанія котораго по археологіи русскаго зодчества были для этого достаточно глубоки, и если всё,

¹⁾ Суздальская архитектура.

²⁾ Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества.

³⁾ Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ.

что было написано по этому вопросу до то того времени, отличается такою наивностью и столькими невѣрностями, что, конечно, не можетъ имѣть никакого научнаго значенія? Слѣдовательно, нечего и говорить, что миниатюры одно-временны съ изготовленіемъ рукописи.

Что же касается до народности ихъ автора, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ русскій.

Замѣтимъ, во-первыхъ, что западному художнику ни за что бы въ голову не пришло украшать «Житіе» русскими зданіями, которыя, какъ-бы онъ отлично ни зналъ ихъ, никогда не могли окружать Николая Чудотворца. Положимъ, что западные художники того времени не гнались ни за археологическою вѣрностью, ни за мѣстною окраской, такъ что на ихъ картинахъ нерѣдко за изображеніемъ Пресвятой Дѣвы торчитъ какой-нибудь готическій «фахверкъ», или-же волхвы, покланяющіеся Предвѣчному Младенцу, одѣты въ костюмы эпохи возрожденія, но тогда тѣмъ естественнѣе было-бы иностранному художнику помѣстить въ миниатюрахъ хорошо знакомыя ему европейскія постройки.

Во-вторыхъ, если-бы онъ былъ иностранецъ, у него, навѣрное, было-бы замѣтно болѣе отчетливое изображение западныхъ зданій, нежели то, которое мы видимъ въ миниатюрахъ; и наоборотъ—онъ никогда не могъ-бы изучить настолько русскія постройки, чтобы воспроизводить ихъ съ такою замѣчательною точностью, которая невольно бросается въ глаза въ его рисункахъ.

И наконецъ, въ-третьихъ, въ пользу русскаго происхожденія художника говоритъ его прекрасное знакомство съ пріемами деревяннаго зодчества и обстановкой русской жизни. Русскіе издавна были великолѣпными плотниками. И дѣйствительно, гдѣ только художнику приходится изображать деревянныя зданія, будь то колокольня, заборъ или крыша «бочкой», тамъ онъ чувствуетъ себя совсѣмъ хозяиномъ и воспроизводитъ ихъ съ поразительною вѣрностью.

Точно также ему хорошо знакомы не только разныя будничныя принадлежности нашей жизни, какъ напр. топоръ, горшокъ, бочка, калачъ, и т. п., но также многіе, и притомъ чисто-русскіе приемы сельскаго хозяйства, каковы напр. способъ сѣянія, складыванія сноповъ въ копны, и проч.

Мѣстность, въ которой были сдѣланы миниатюры, опредѣлить гораздо труднѣе, нежели народность ихъ творца, хотя есть не мало данныхъ въ пользу того предположенія, что онѣ были изготовлены въ Москвѣ. Такъ напр. трудно себѣ представить, чтобы не-москвичъ могъ уловить настолько разныя, болѣе или менѣе замѣчательныя особенности московскаго зодчества, или же дать столь близкія къ своимъ подлинникамъ изображенія, въ родѣ приведеннаго выше изображенія Успенскаго собора, и др.

Но если художникъ былъ москвичъ, то невольно рождается вопросъ, откуда же взялись тѣ западныя и русскія иногородныя формы, которыя мы видимъ въ миниатюрахъ?

Формы эти вполне объясняются тѣми вліяніями, которыя начинаютъ чувствоваться въ то время въ московскомъ искусствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный послѣ новгородскаго погрома привѣзъ съ собою множество иконъ, церковныхъ книгъ и утвари, и этотъ наплывъ новгородскихъ произведеній не могъ не повліять, хотя отчасти, на характеръ искусства въ Москвѣ, — и вотъ въ миниатюрахъ «Житія» дѣйствительно появляются церкви и паникадила новгородскаго пошиба. Что же касается до западныхъ формъ, то онѣ очевидно зашли черезъ руки нѣмцевъ, которые въ такомъ большомъ количествѣ жили въ Москвѣ уже при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ. Мы знаемъ, кромѣ того, что въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ торговали «фряжскими потѣшными листами», подъ которыми слѣдуетъ подразумѣвать гравюры на

мѣди или на деревѣ, и что въ царскомъ быту они появились даже въ началѣ того же вѣка; мало того, есть основаніе полагать, что они были у насъ даже въ XVI вѣкѣ. По крайней мѣрѣ на это мы встрѣчаемъ указанія въ «Путешествіи въ Московію»¹⁾ итальянскаго купца Барберини. Къ путешествію этому приложена «Записка о вещахъ, которыя надобно послать въ Москву», гдѣ перечисляются самые разнообразныя предметы, какъ напр. зеркала, парчи, матеріи, краски, сѣмена, оттиски съ изображеніемъ разныхъ государей, писчая бумага, и проч., и, между прочимъ, есть такая приписка: «Сверхъ того тетрадь рисунковъ съ листьями, арабесками и тому подобнымъ».

Больше чѣмъ возможно, что художникъ, украшавшій миниатюры «Житія», имѣлъ подъ руками подобные листы или же видѣлъ ихъ у московскихъ нѣмцевъ и позаимствовался оттуда формами западной архитектуры.

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что ни «новгородскія», ни «иноземныя» формы не противорѣчатъ вовсе «московскому» происхожденію миниатюръ.

Всѣ сдѣланныя нами сравненія архитектурныхъ формъ имѣли цѣлю, во-первыхъ, объяснить миниатюрныя изображенія, а во-вторыхъ, показать, что они не выдуманы художникомъ, а вѣрны съ натурою.

На это послѣднее предположеніе можно возразить конечно, что эти формы встрѣчаются не въ одномъ только «Житіи Николая Чудотворца», но и во многихъ иныхъ рукописяхъ, и что слѣдовательно художникъ вовсе не бралъ ихъ съ природы, а заимствовалъ изъ другихъ старѣйшихъ источниковъ, быть можетъ даже до насъ не дошедшихъ. Но подобное возраженіе вовсе не опровергаетъ нашего положенія.

¹⁾ См. «Сынъ Отечества» 1842 года, іюль.

Мы вовсе и не думаемъ утверждать, что художникъ, украшавшій «Житіе», ходилъ срисовывать архитектурныя формы съ натуры, или же изображалъ на память только исключительно тѣ, которыя онъ видѣлъ своими глазами. Наоборотъ,—очень можетъ быть, что кромѣ подобныхъ изображеній у него есть много такихъ, которыя заимствованы имъ изъ иныхъ источниковъ, какъ напр. съ иконъ или изъ другихъ рукописей. Съ цѣлью показать это, мы сдѣлали даже въ началѣ нашего изслѣдованія ссылку на схожія по художественному исполненію съ миниатюрами «Житія» миниатюры синодальнаго списка «Царственной Книги» и, кромѣ того, привели въ таблицахъ нѣсколько соотвѣтственныхъ иконописныхъ изображеній. Но что же это показываетъ? Это показываетъ только то, что правдивость архитектурныхъ изображеній присуща не только миниатюрамъ «Житія», но, что для насъ еще важнѣе, и всѣмъ другимъ подобнымъ же миниатюрнымъ изображеніямъ, ибо очевидно, что приложимо къ однимъ, то приложимо, въ силу ихъ тождественности, и къ другимъ.

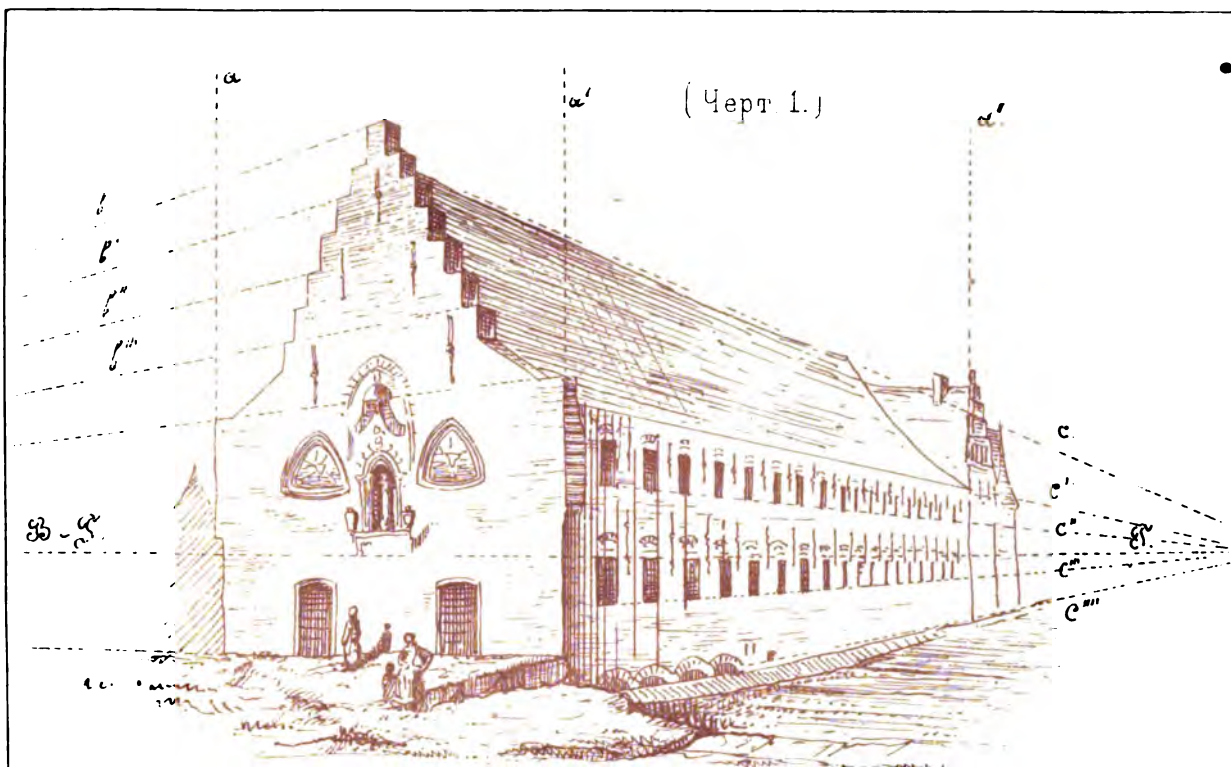
Итакъ, слѣдовательно, на основаніи сдѣланныхъ сравненій, мы должны признать, что архитектурныя формы «Житія» — формы существовавшія, а не вымышленныя.

А отсюда ясно, что исходя изъ этого начала, мы можемъ смотрѣть на нихъ какъ на превосходный матеріалъ, годный для переработки всякому архитектору-художнику, который только съумѣетъ понять и разобрать его! Нетрудно обработать подробности или присочинить какое-нибудь украшеніе, но трудно выдумать новый мотивъ! Еще римляне считали коринтскую колонну за альфу и омегу для выраженія наивысшаго великолѣпія, и мы не далеко отъ нихъ ушли: — нашъ Исаакіевскій соборъ «блистаетъ» тѣми же коринтскими

колоннами. Между тѣмъ въ миниатюрныхъ изображеніяхъ есть не мало новыхъ мотивовъ, а слѣдовательно мы вправѣ сказать, что подобныя рукописи представляютъ собою неисчерпаемый источникъ не только для русской филологіи и палеографіи, но также и для русскаго зодчества.

Село Михайловское,
лѣто 1881 года.

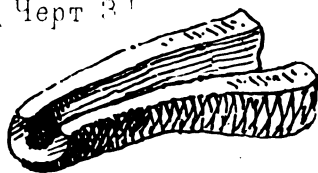
Бойня въ Генть, въ Бельгии. (По Комону)

(Черт. 2.)

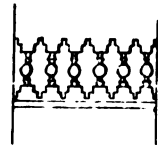
Рукопись стр 21 (2)

(Черт. 3.)

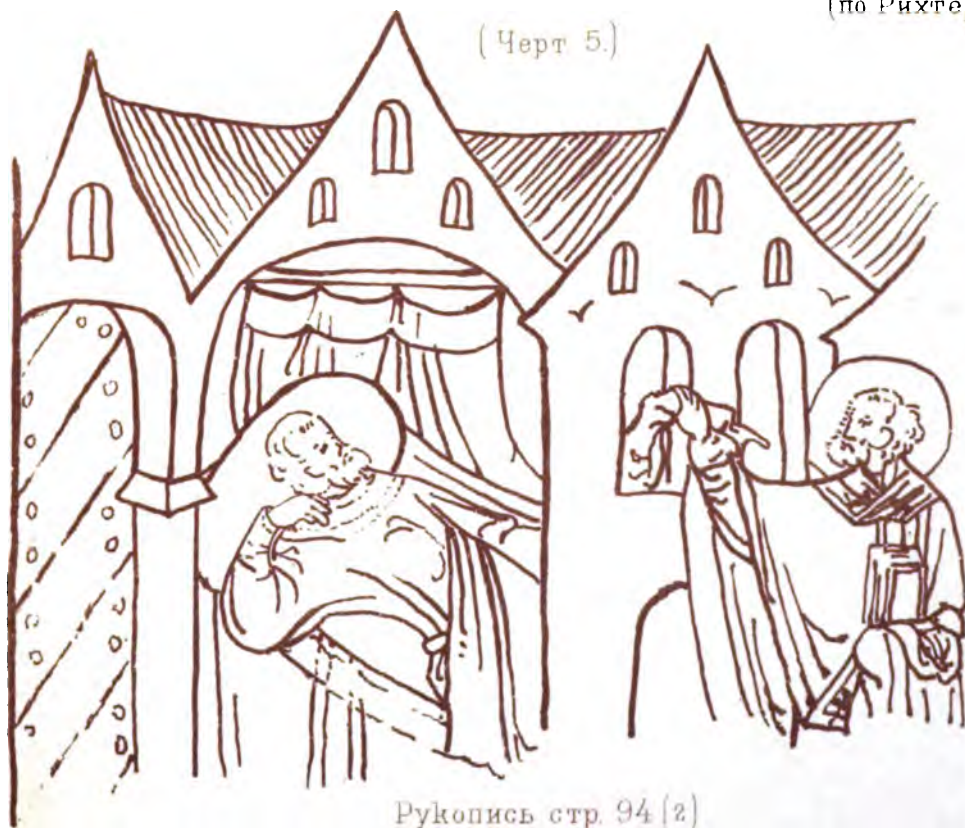
Каменный водомётъ

(Черт. 4.)

Поясокъ церкви Печерской Божіей Матери въ Кремль (по Рихтеру)

(Черт. 5.)

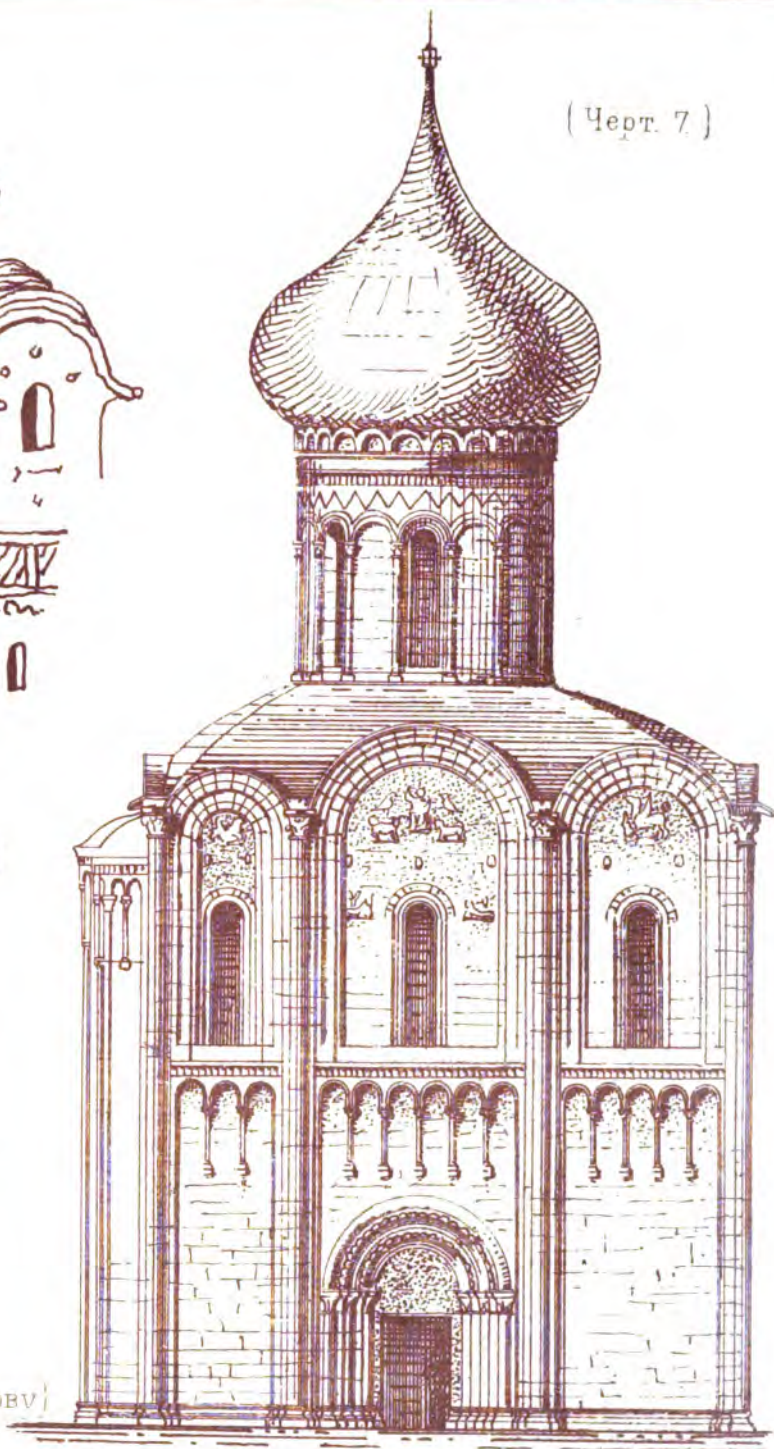
Рукопись стр. 94 (2)

(Черт. 6.)

Рукопись стр. 19.

(Черт. 7.)

Церковь Покрова на Нерли
(по Виолле-ле-Дюку)

(Черт. 8.)

Деревянная Церковь
близь Царского Села
(по Демидову)

(Черт. 9.)

церковь близь Владимира
Кляземскаго (по Мартынову)

(Черт. 10.)

Рукопись стр. 128 (2)

(Черт. 11.)

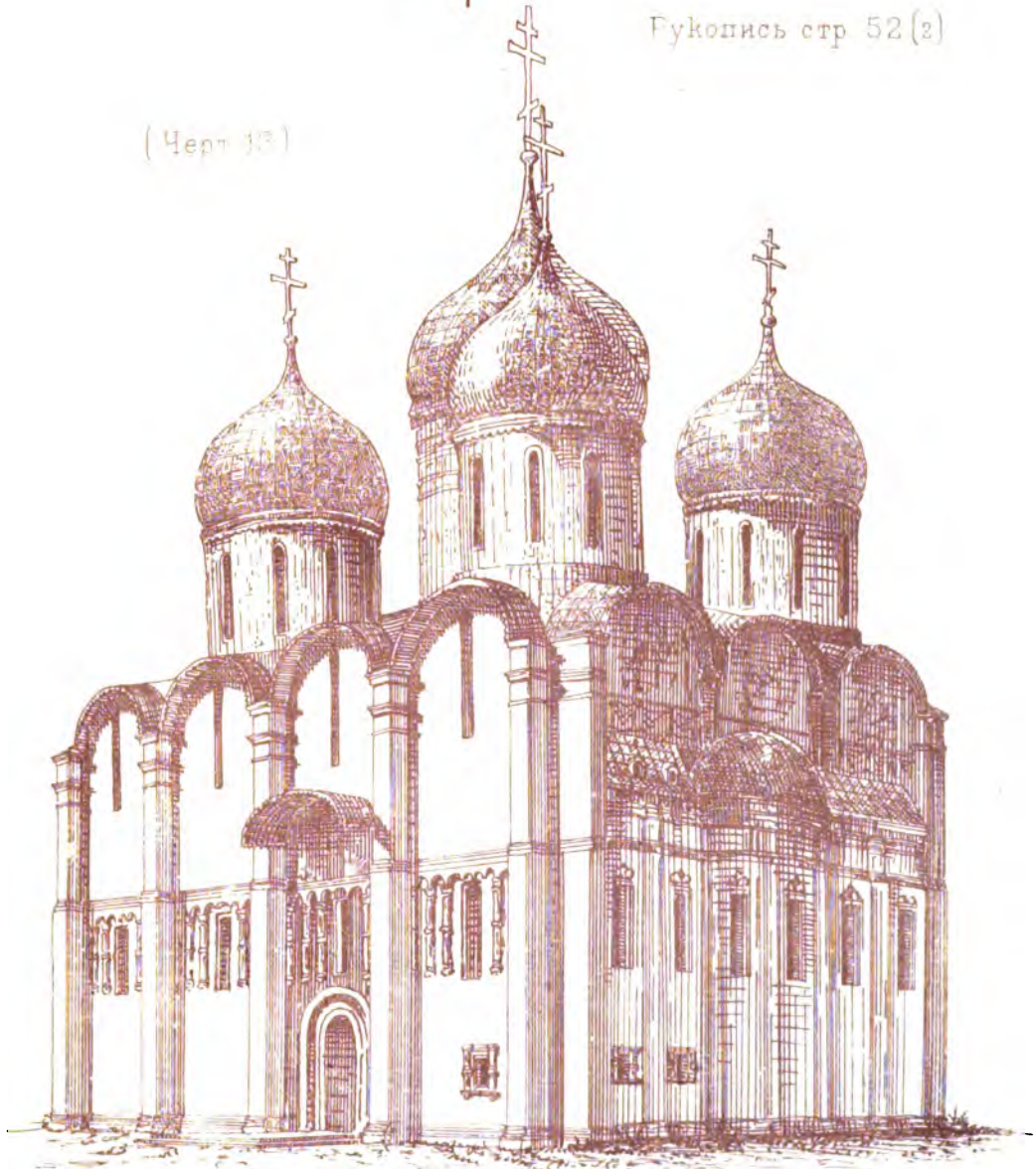
Рукопись стр. 111

(Черт 12.)

Рукопись стр 52 (2)

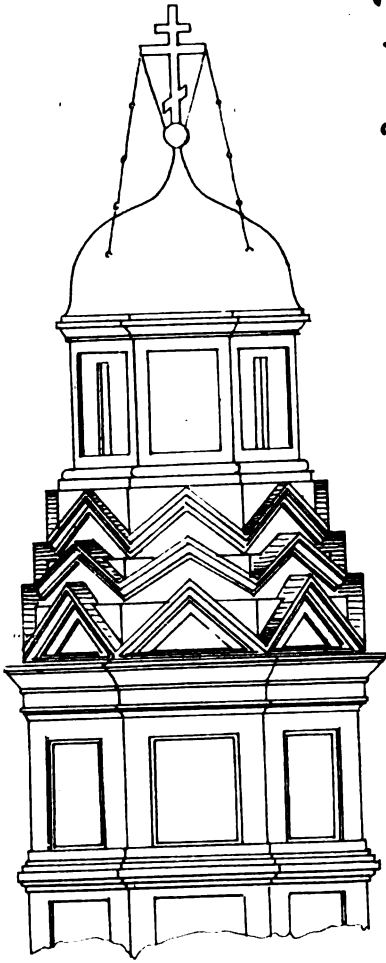
(Черт 13)

Успенский соборъ въ Москвѣ (по Прохорову.)

ДНОУБОСЛАПЪБГО. НПОМОЛН

(Черт. 14)

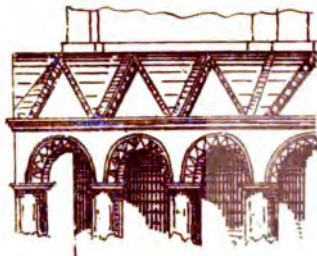
Придѣлъ церкви въ селѣ Дьяковѣ, подѣ Москвою (по Рихтеру)

Черт. 15.

(Черт. 16.)

Рукопись стр. 41. (2)

Нижняя галлерейка средней церкви собора Василия Блаженнаго въ Москвѣ (по Рихтеру)

(Черт. 17.)

Рукопись стр. 8.

(Черт. 18.)

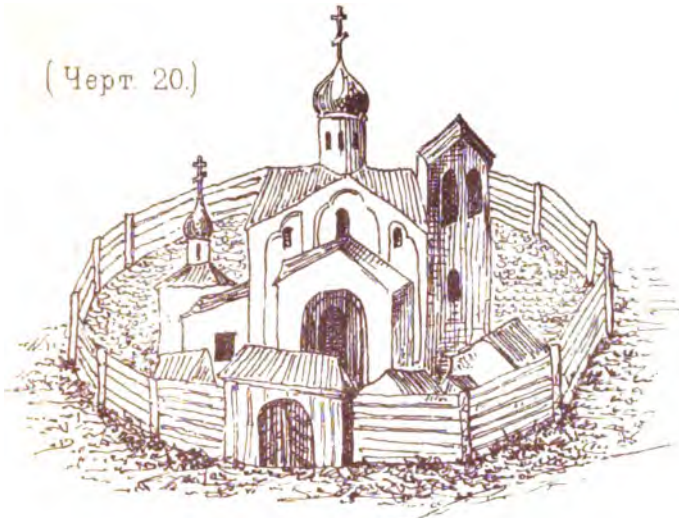
Часть собора въ Екатеринодарѣ (съ фотографіи)

(Черт. 19.)

Церковь въ Нижнемъ Новгородѣ. (по Олеарию)

(Черт. 20.)

Съ тсковской иконы Стрѣтенія Богородицы.

(Черт. 21.)

Деревянная церковь Нижегородской губ. (по Далю)

(Черт. 22.)

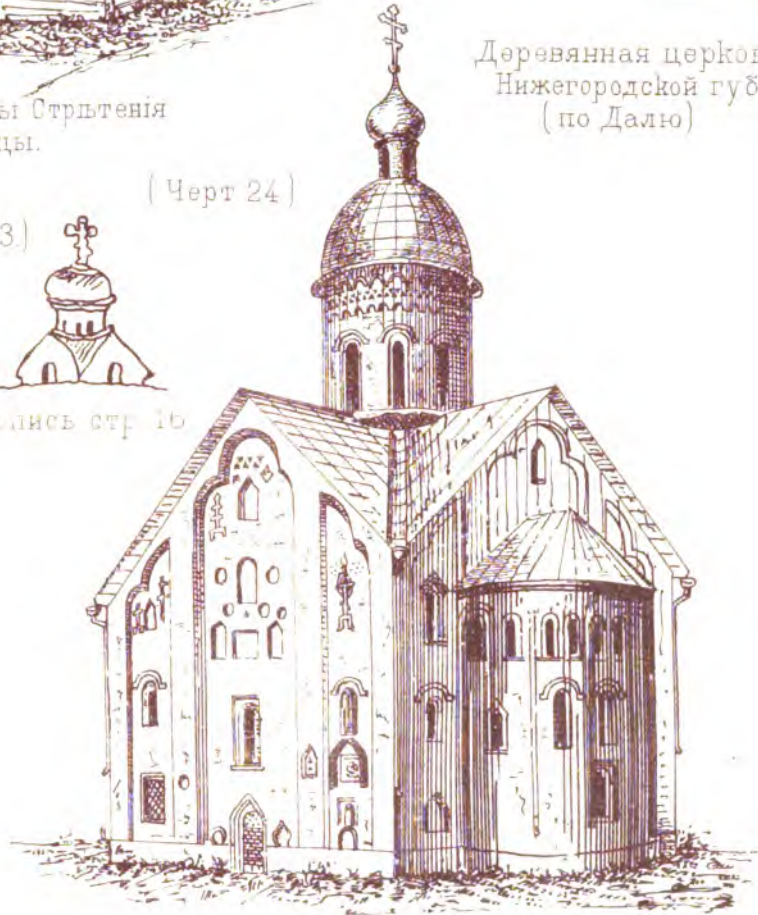
Рукопись стр. 74

(Черт. 23.)

Рукопись стр. 16

(Черт. 24.)

Церковь Преображенія въ Новгородѣ.

(Черт. 25.)

Церковь Николая въ Мясникахъ" въ Москвѣ. (по Мартынову)

(Черт. 26.)

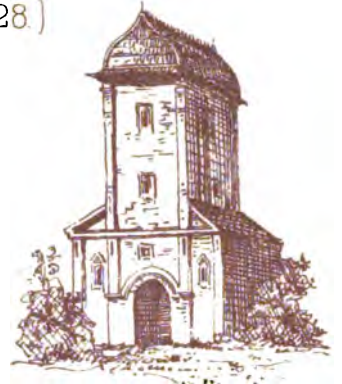
Съ псковской иконы Стрѣтенія Богородицы.

(Черт. 27.)

Рукопись стр. 18.(2)

(Черт. 28.)

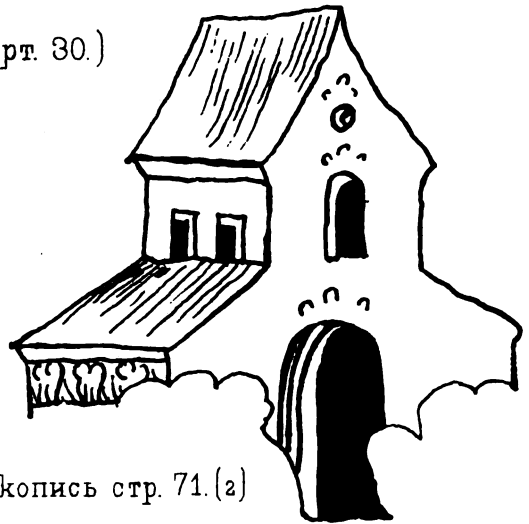
Соколиная башня
въ с. Коломенскомъ
(по Мартынову)

(Черт. 29.)

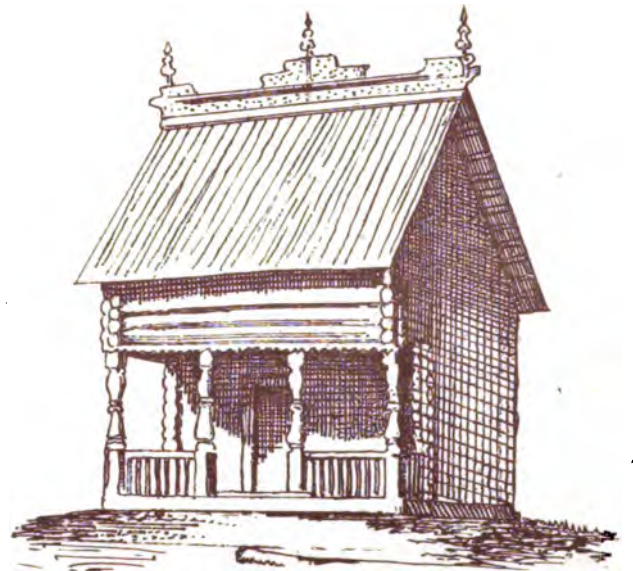
Церковь Покрова въ Москвѣ
(по Мартынову)

(Черт. 30.)

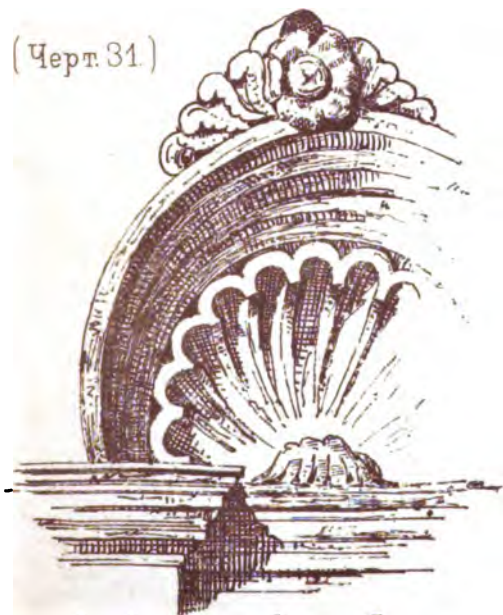
Рукопись стр. 71.(2)

(Черт. 32.)

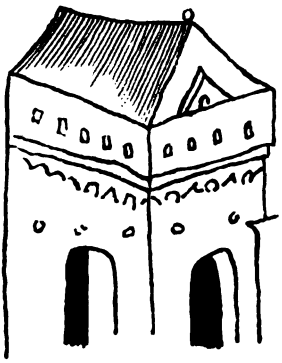
Амбаръ Владимірской губ.
(по Далю)

(Черт. 31.)

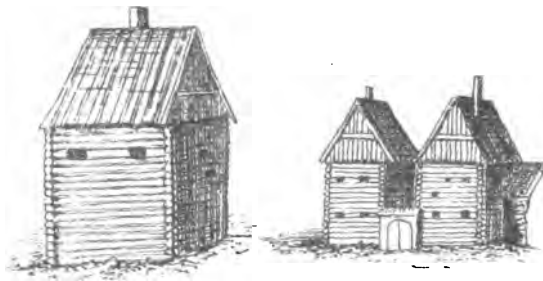
Кокшникъ Архангельскаго собора.
въ Москвѣ (по Далю)

(Черт. 33)

Рукопись стр. 3. (2)

(Черт. 34.)

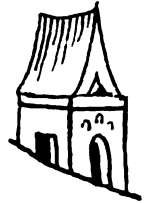
Русские дома
(по Оларию)

(Черт. 35.)

(по Оларию)

(Черт. 36.)

Рукопись стр. 100.

(Черт. 37.)

Деревянная церковь
Олонецкой губ. (по Далю)

(Черт. 38.)

Рукопись стр. 90 (2)

(Черт. 39.)

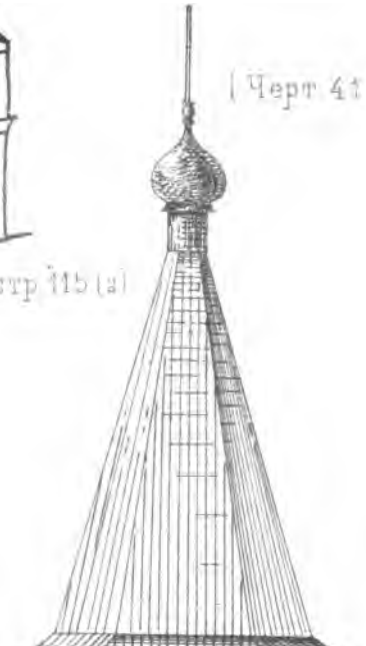
Рукопись стр. 115 (2)

(Черт. 40.)

Рукопись стр. 73. (2)

(Черт. 41.)

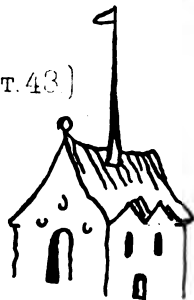
Деревянная церковь
Олонецкой губ. (по Далю)

(Черт. 42.)

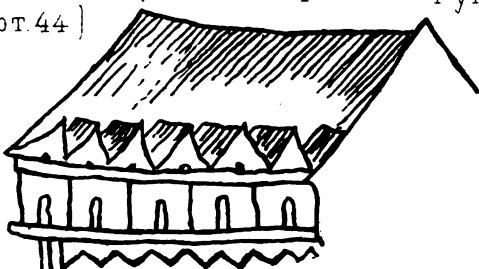
Рукопись стр. 6. (2)

(Черт. 43.)

Рукопись стр. 29

(Черт. 44.)

Рукопись стр. 8. (2)

(Черт. 45.)

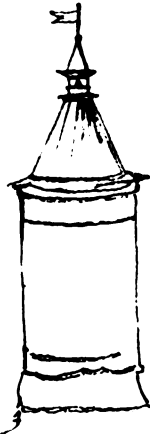
Руко стр. 22.

(Черт. 46.)

Руко. стр. 10. (2)

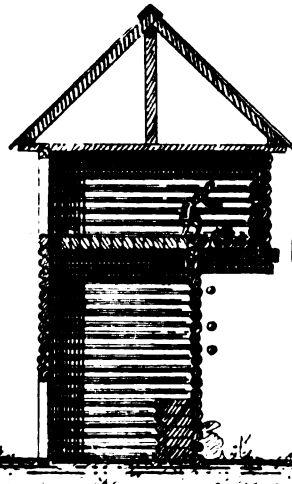
(Черт. 47.)

Съ плана Пскова. конца XVII вѣка

(Черт. 54.)

(Черт. 48.)

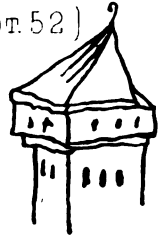
Русскія деревянныя укрѣпленія по Ласковскому

(Черт. 49.)

Башня въ Самарѣ (по Олеарию)

(Черт. 52.)

Руко. стр. 10. (2)

(Черт. 50.)

Башня въ Ямбѣ (по Олеарию)

(Черт. 51.)

Башня въ Копорьѣ (по Олеарию)

(Черт. 55.)

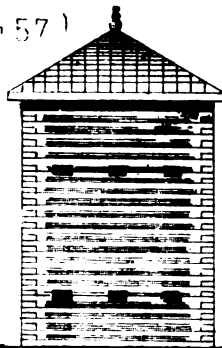
Башня въ Царицынѣ (по Олеарию)

(Черт. 53.)

Башня Печерскаго Монастыря (по Ласковскому)

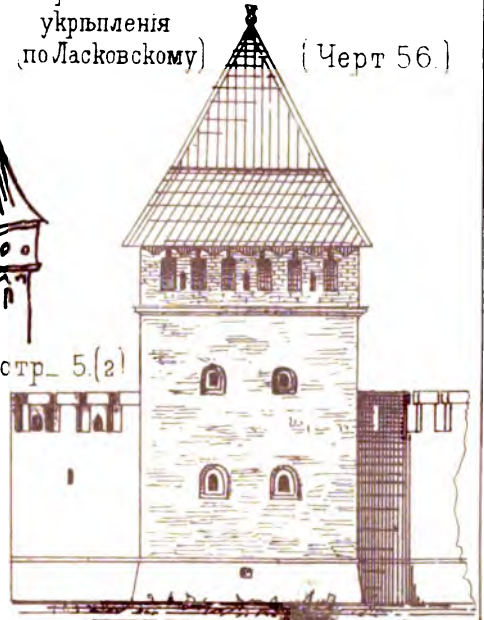
(Черт. 57.)

Башня въ г. Илимскѣ (по Ласковскому)

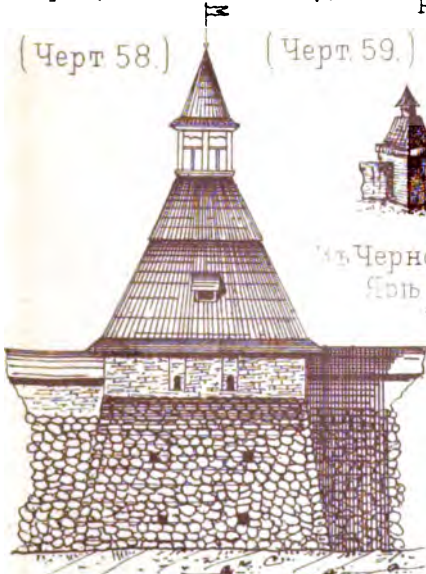

Руко. стр. 5. (2)

Башня въ Смоленскѣ (по Ласковскому)

(Черт. 58.)

Башня въ Соловецкомъ Монастыря (по Ласковскому).

(Черт. 59.)

Въ Черномъ Язѣ

Въ Кремль. (по Олеарию)

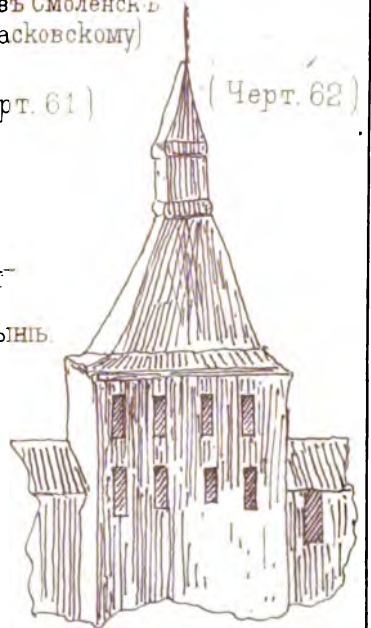
(Черт. 63.)

Рукопись стр. 29.

Въ Царицынѣ

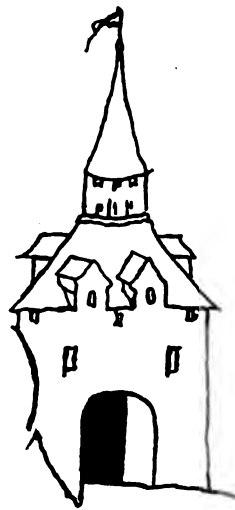
Съ псковской иконы Стрѣтени Богородицы.

(Черт. 64.)

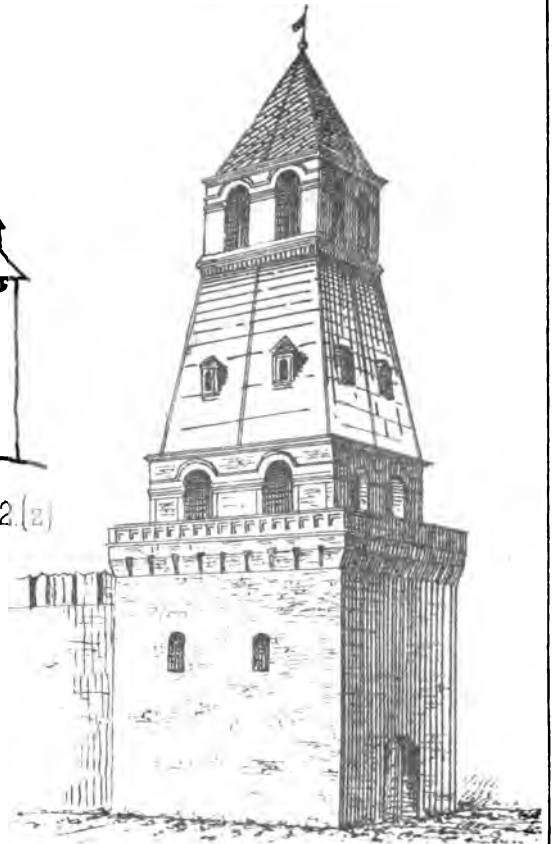
Рукопись стр. 8.

(Черт. 65.)

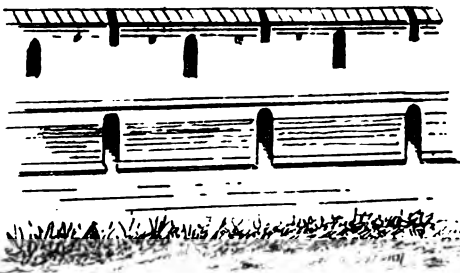
Рукопись стр. 42 (2)

(Черт. 66.)

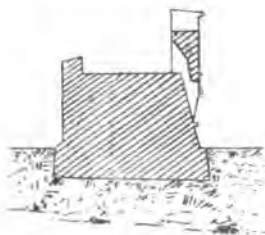
Башня въ Кремль Московскомъ.
(по Далю)

(Черт. 67.)

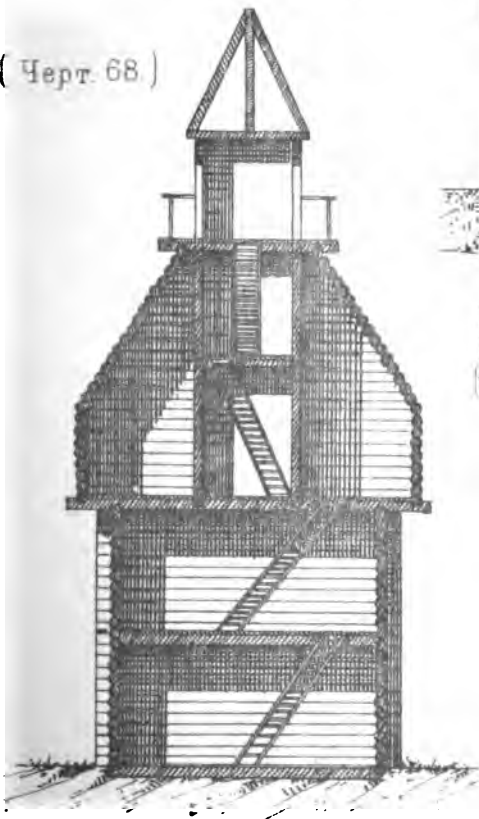
Стѣна Китая-города въ Москвѣ.
(съ фотографіи)

(Черт. 69.)

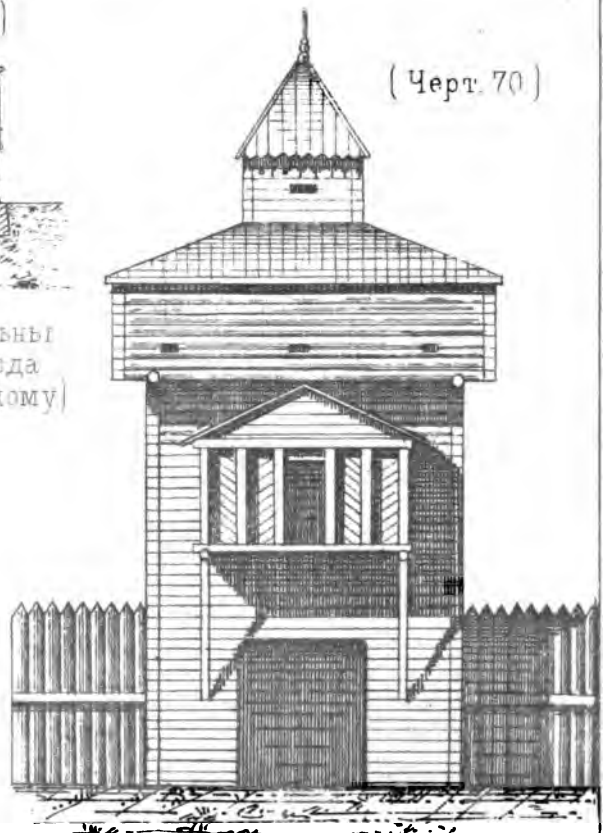
Разрѣзъ стѣны
Китай-города
(по Ласковскому)

(Черт. 68.)

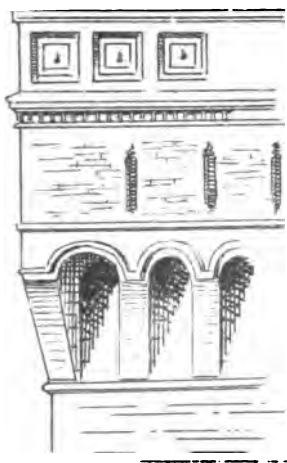
Башня въ г Красноярскъ.
(по Ласковскому)

(Черт. 70.)

Прѣзжая башня въ г Илимскъ.
(по Ласковскому)

(Черт. 71.)

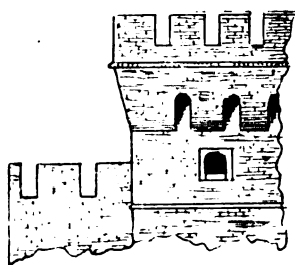
Навьсныя бойницы башни
Китай-города въ Москвѣ.
(съ фотографіи)

(Черт. 72.)

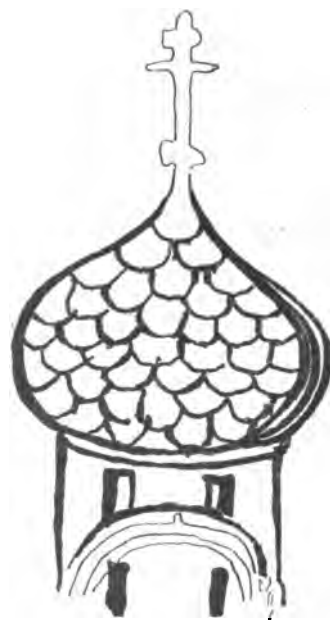
Рукопись стр. 44.(2)

(Черт. 74.)

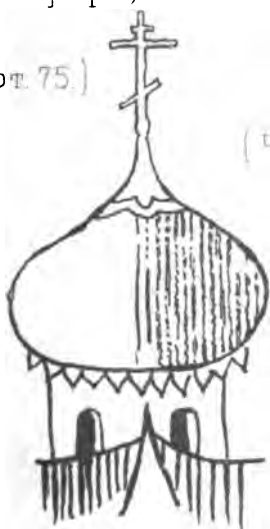
Башня и стѣна въ нов-
городскомъ кремль.
(по Ласковскому)

(Черт. 73.)

Рукопись стр. 1.(2)

(Черт. 75.)

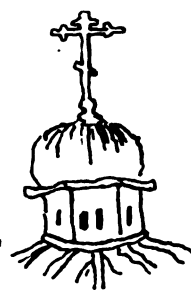
Рукопись стр. 162.

(Черт. 76.)

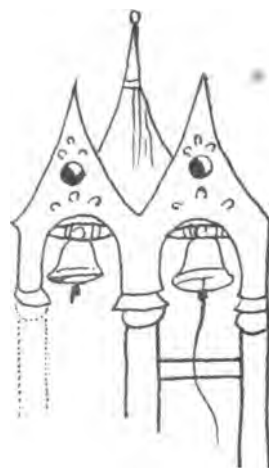
Рукоп стр. 97

(Черт. 77.)

Рукоп-стр. 13(2)

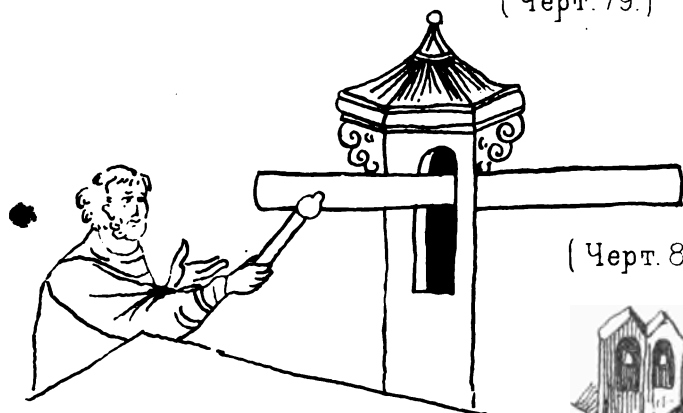
(Черт. 78.)

Рукопись стр. 88.(2)

(Черт. 80)

(Черт. 79.)

Рукопись стр. 147.

(Черт. 81)

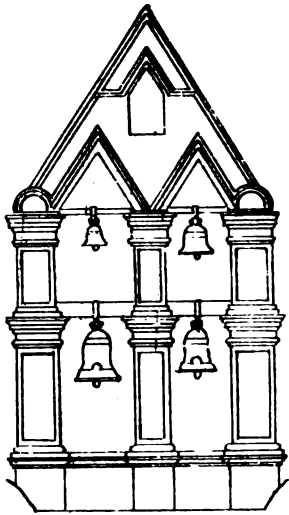

Съ псковской иконы Стрътєнія
Богородицы.

Псковская звонца.
(по Далю)

(Черт. 82.)

Звоница церкви села Дьякова (по Рихтеру)

(Черт. 86)

Рукопись стр. 154 (з)

(Черт. 90)

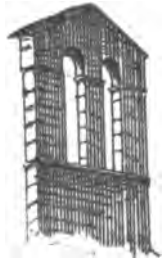
Рукоп стр. 43. Рукоп стр. 154 (з)

(Черт. 94.)

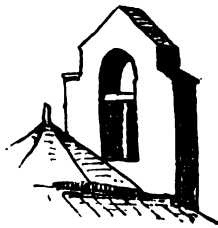
Русскія звоница (по Олеарю)

(Черт. 83.)

Звоница церкви села Дьякова (по Рихтеру)

(Черт. 87.)

Звоница ц. Св. Франциска въ Трани.

(Черт. 87.)

Звоница на образъ Зосимы и Савватія. (по Горностаеву)

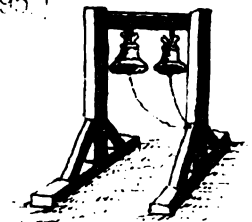
(Черт. 91.)

Рукопись стр. 46

(Черт. 92.)

(Черт. 95.)

Звоница въ Нижнемъ Новгородѣ (по Олеарю)

(Черт. 84.)

Звоница Мирожскаго монастыря во Псковѣ. (по Горностаеву)

(Черт. 89.)

Рукоп. стр. 90. (з)

(Черт. 93.)

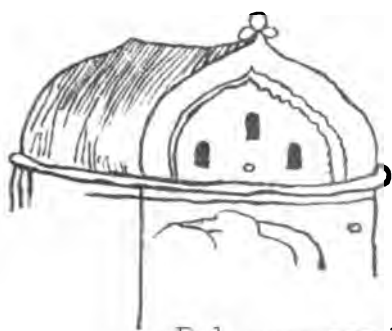
Крыльцо бывшаго Сновидскаго монастыря (по Мартынову)

(Черт. 96.)

Рукопись стр. 90. (з)

(Черт. 97)

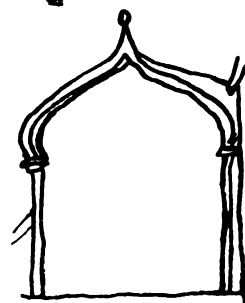
Рукопись стр. 3.

(Черт. 98)

Рукопись стр. 43.(2)

(Черт. 99)

Рукопись стр. 28.(2)

(Черт. 100)

Глава церкви Нижегородской губ. (по Далю)

(Черт. 101)

Коломенский дворець. (по Гильфердингу)

(Черт. 104)

(Черт. 102)

Крыша „бочкой“ (по Далю)

(Черт. 103)

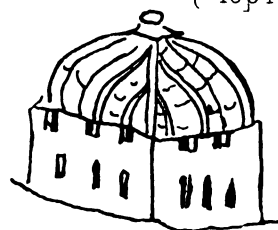

Коломенский дворець. (по Гильфердингу)

Рукопись стр. 47. (Черт. 107)

(Черт. 105)

Рукопись стр. 21.(2) (Черт. 108)

(Черт. 109)

Глава деревянной церкви Олонецкой губ. (по Далю)

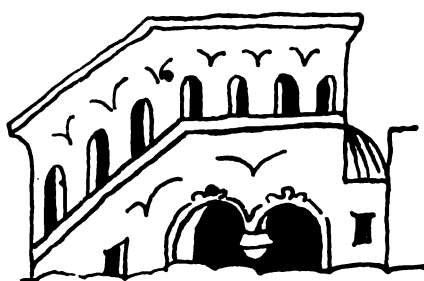
(Черт. 106)

Съ церкви казанской Б. Матери въ Москвѣ (по Мартынову) (Черт. 110)

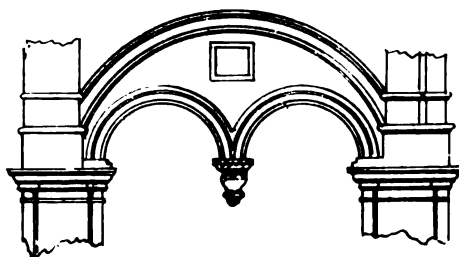
Рукоп. стр. 32.(2)

Рукопись стр. 122.(2) (Черт. 111)

Крыша надъ воротами Пятницкой церкви въ Суздаль (съ фотогр.)

Крыльцо собора Василія Блаженнаго въ Москвѣ (по Рихтеру)

(Черт. 112)

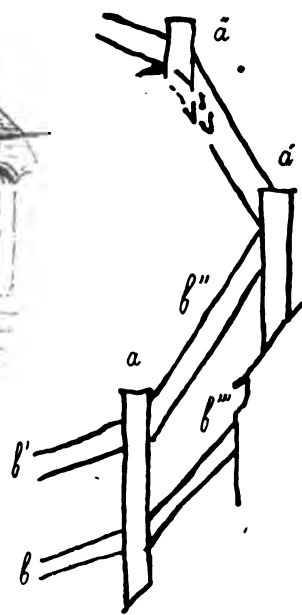
Рукопись стр. 5

(Черт. 113)

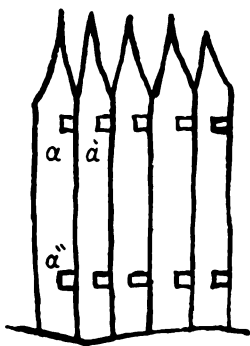
Ворота при ильдь Костромской гуд (по Чернецову)

(Черт. 114)

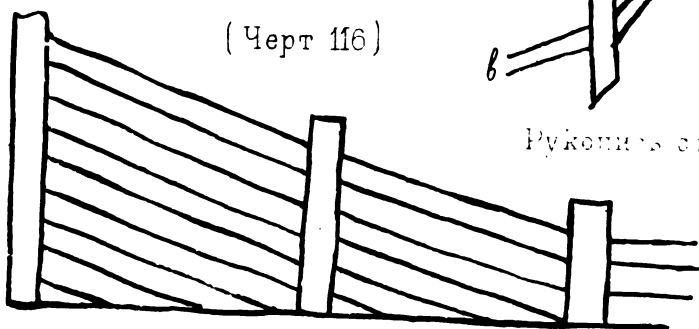
Рукопись стр.

(Черт. 115)

Рукопись стр. 142.

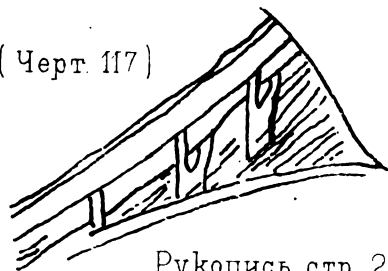
(Черт. 116)

(Черт. 118)

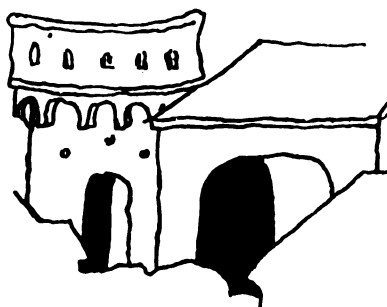
Рукопись стр. 135

(Черт. 117)

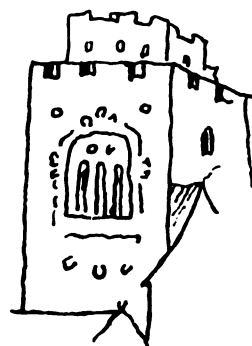
Рукопись стр. 29

(Черт. 120)

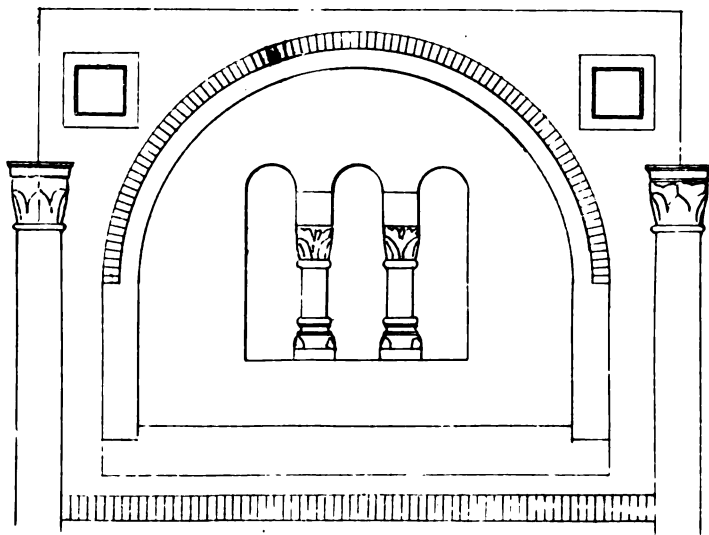
Рукопись стр. 29

(Черт. 119)

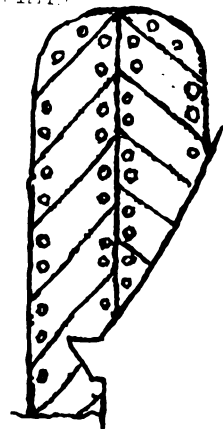

Рукопись стр. 27/28

(Черт. 121)

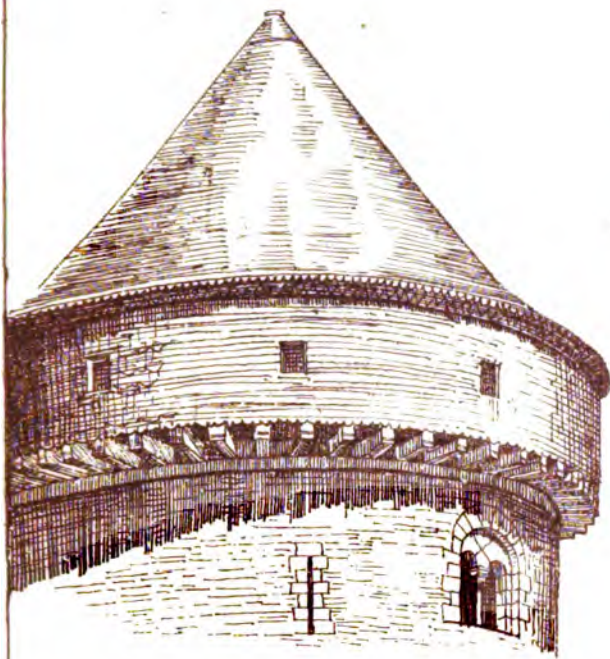

Часть дворца в с. В. Г. Славянск. (по Рихтеру)

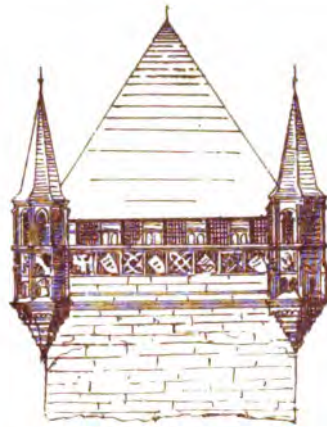
Рукопись стр. 28

(Черт 122)

Навьсныя бойницы (по Виолле-ле-Дюку)

(Черт 123)

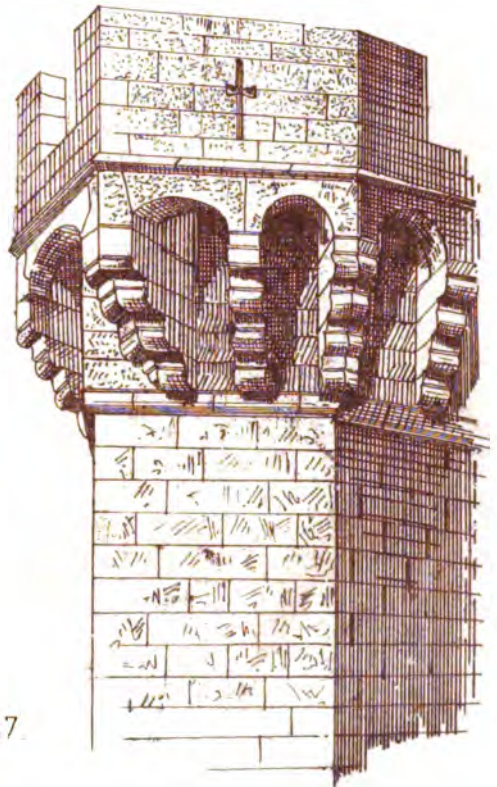
Башня дома въ Нюренбергъ.
(по Эссенвейну)

(Черт 124)

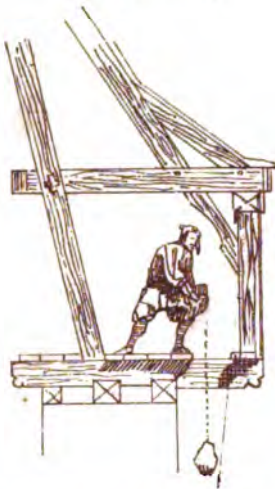
Рукопись стр. 2. (2)

(Черт 127)

Разръзъ къ черт. 127.

(Черт 125)

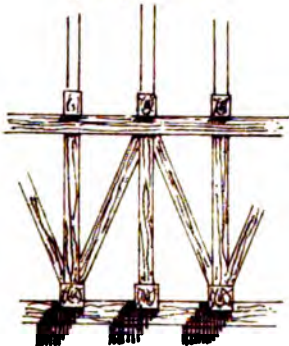

Разръзъ къ черт. 122.

(Черт 126)

(Черт 128)

Фасадъ къ черт. 125.

(Черт 129)

Жилой домъ въ Кельнъ.
(по Эссенвейну)

Навьсныя бойницы машикули.
(по Виолле-ле-Дюку)

(Черт 130)

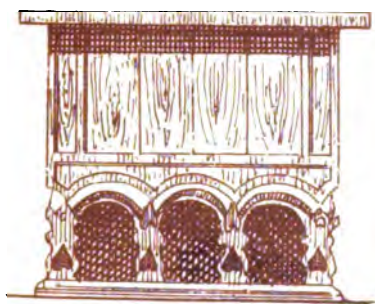
Рукопись стр. 43. (2)

(Черт 131)

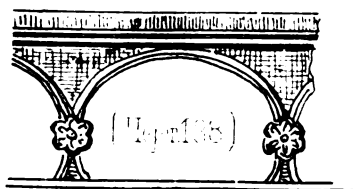

Соборъ въ Бамбергъ. (по Любке и Каспару)

(Черт 135)

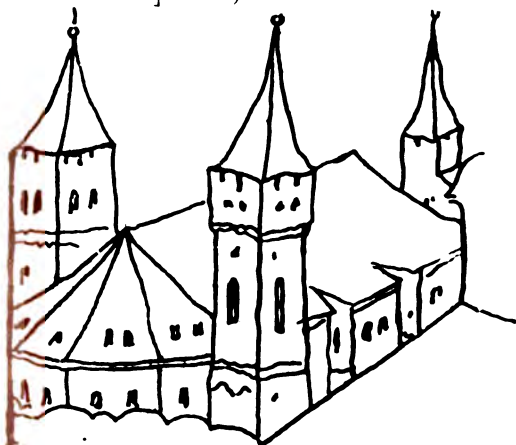

Дрезнерусская мебель. (по Веселовскому)

Древняя русская мебель. (по Веселовскому)

(Черт 132)

Рукопись стр. 52 (а)

(Черт 133)

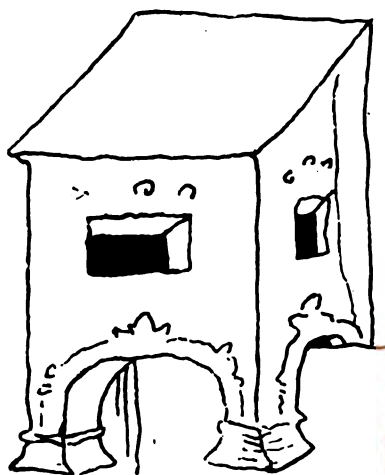

(Черт 134)

Рукопись стр. 7 (а)

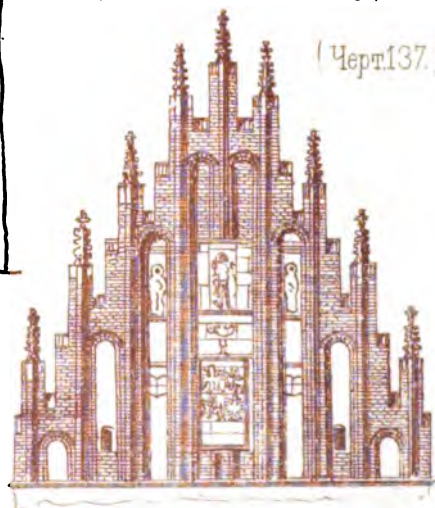
(Черт 136)

Рукопись стр. 31

Вашня собора въ Регенсбургъ (по Любке и Каспару)

(Черт 137)

Написана въ Кюльмъ (по Веселовскому)

(Черт. 139)

(Черт. 140.)

(Черт. 141.)

(Черт. 142.)

(Черт. 143.)

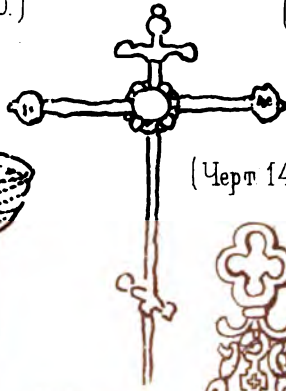
(Черт. 144.)

Рук. стр. 15.

Рук. стр. 156.(2)

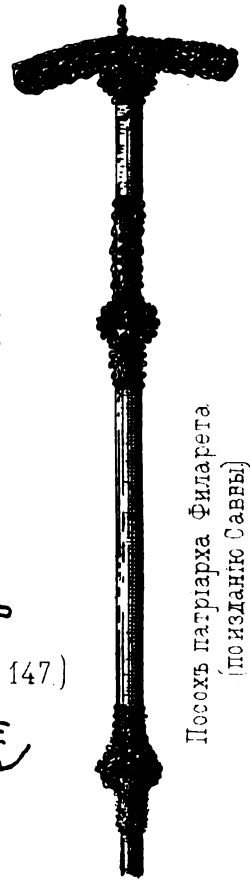
(Черт. 146.)

Рук. стр. 17.(2)

Рук. стр. 27.(2)

Посохъ патриарха Филарета (по изданію Саввы)

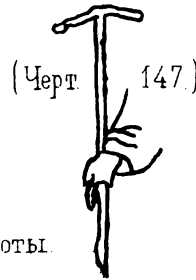
Подсвѣчникъ Патриаршей ризницы (по изданію Саввы)

(Черт. 148)

(Черт. 149.)

Паникадило новгородской работы (по Далю)

(Черт. 150.)

(Черт. 147.)

Рук. стр. 43(2)

(Черт. 154.)

(Черт. 155.)

Рук. стр. 20.(2)

(Черт. 151.) Горшокъ Владим. гуд. (по Далю)

(Черт. 152.)

(Черт. 153.)

Рук. стр. 45.

Рук. стр. 17.(2)

Рук. стр. 17.(2)

Дарохранительница (съ фотографіи)

(Черт. 157)

Рук. стр. 117.

Рук. стр. 47.(2)

(Черт. 158.)

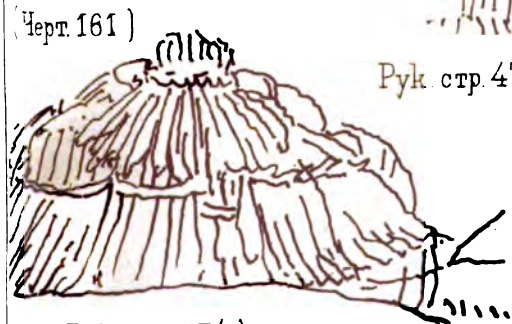

Рук. стр. 97.

(Черт. 159.)

Рук. стр. 98.

(Черт. 160.)

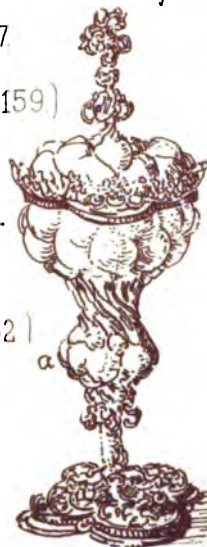

(Черт. 161)

Рук. стр. 47.(2)

Рук. стр. 21.

а.

Изъ рисунка въ Альбрехта Дюрера.

а.

Кубокъ патриарха Іова. (по изданію Саввы)

